

приоритет2030⁺
право для лидерства

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ Конституционного Суда Российской Федерации

*в сфере реализации российской модели
поддержки института семьи*

Проект Центра компетенций «СОЦИОПРАВО»

«Конституционно-правовое обеспечение государственной политики в сфере защиты семьи и семейных ценностей России»

Руководитель: Рыбакова О.С.

**Обзор судебной практики
Конституционного Суда Российской Федерации
в сфере реализации российской модели поддержки института семьи**

Исполнители:

Дородонова Н.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Рыбаков О.Ю., доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Рыбакова О.С., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В практике Конституционного Суда Российской Федерации проверка законоположений, направленных на регулирование отношений в сфере защиты семьи и семейных ценностей, на предмет соответствия Конституции Российской Федерации происходит достаточно часто, ввиду того, что данные правоотношения являются предметом регулирования не только семейного права, но также иных отраслей права – права социального обеспечения, трудового права, гражданского, уголовного, жилищного и т.д. Защита института семьи, семейных ценностей носит комплексный, межотраслевой характер.

В решениях Конституционного Суда Российской Федерации выражено ценностное наполнение российского конституционного правопорядка в сфере защиты семьи, прав обоих родителей на воспитание детей; обеспечения принципа приоритета семейного воспитания ребёнка; защиты прав ребёнка на алиментное содержание и получение пенсии по потере кормильца; защиты института брака как союза мужчины и женщины; защиты нравственных начал создания семьи и воспитания детей и др.

Ниже приведены решения высшего органа конституционного контроля, где даются разъяснения и толкования конституционных положений и норм законодательства, регулирующих отношения в сфере поддержки семьи как социального института, а также по отдельным вопросам защиты семейных, гражданских, наследственных и иных прав членов семьи.

Опираясь на анализ различных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в приведенных решениях, следует отметить, что Суд не только разрешал вопросы права при рассмотрении дел, а провёл также и идеологическое конструирование социально-правовой действительности, основываясь на традиционном понимании роли семьи, сформированном в российской обществе. В приведенном ниже обзоре приведены далеко не все решения Конституционного Суда Российской Федерации в данной сфере, выборка

основана на представлении наиболее типичных обращений граждан и запросов органов государственной власти, поступивших в Конституционный Суд Российской Федерации.

1.	О недопустимости полигамных и однополых брачных союзов
1.1.	Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.12.2007 № 851-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязанова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12 и статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации»
1.2.	Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации»
2.	Об алиментной обязанности родителей по отношению к несовершеннолетним детям
2.1.	Определение Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Поляковой Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 9 части 2 статьи 43 и частью 1 статьи 111 Федерального закона «Об исполнительном производстве»
2.2.	Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2022 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой»
2.3.	Определение Конституционного Суда РФ от 31 января 2023 № 158-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорченко Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации»

2.4.	Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1605-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Маховиковой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 81 и пунктом 1 статьи 119 Семейного кодекса Российской Федерации»
2.5.	Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2019 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности подпункта «п» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Г.А. Белоскова»
2.6.	Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 841-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кокорина Олега Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 117 Семейного кодекса Российской Федерации, статьей 3 и частью второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»
2.7.	Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2011 г. № 953-О-О «По жалобе гражданки Плотниковой Марины Викторовны на нарушение ее конституционных прав статьями 3, 4 и 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»
3.	Равенство прав и обязанностей родителей по воспитанию и содержанию детей
3.1.	Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1155-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сысоева Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 14 во взаимосвязи с пунктами 1 и 6 части 1 статьи 1.2 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (содержание несовершеннолетних детей)
3.2.	Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой»
3.3.	Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго

	статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» (защита имущественных прав)
3.4.	Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева» (равенство трудовых прав родителей)
4.	Обеспечения интересов семьи, недопустимость вмешательства в дела семьи
4.1.	Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке»
4.2.	Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2022 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 12 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Сербия М.М. Джурджевича» (общение с семьей)
4.3.	Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2020 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко»
4.4.	Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» (защита тайны усыновления)
4.5.	Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания,

	вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан»
4.6.	Определение Конституционного Суда РФ от 3 ноября 2009 г. № 1365-О-О «По запросу Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан о проверке конституционности подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»
5.	Защита семьи и семейных ценностей при использовании вспомогательных репродуктивных технологий
5.1.	Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 746-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки П. на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетних детей статьей 135 Семейного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 264 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»
5.2.	Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» (право отца на материнский капитал)
5.3.	Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» (о согласии суррогатной матери)
6.	Государственная поддержка семей с детьми
6.1.	Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. № 56-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А.А. Дробковой» (распоряжение средствами МСК)
6.2.	Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с

	жалобой гражданки М.С. Колесниковой» (право на получение регионального МСК)
6.3.	Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 431-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Горбачевой Натальи Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части 1.3 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и абзацем четвертым пункта 10(4) Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» (распоряжение средствами МСК)
6.4.	Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июля 2014 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности подпункта «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 1050) в связи с жалобой гражданки Е.А. Дурягиной» (предоставление жилья молодым семьям)

1. О недопустимости полигамных и однополых брачных союзов

1.1. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации»

В Конституционный Суд РФ обратился гражданин Э. Мурзин с жалобой, в которой оспаривает конституционность пункта 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации, который закрепляет условия заключения брака, а именно, что для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак.

По мнению заявителя, будучи основанием для отказа в регистрации брака между лицами одного пола, оспариваемое положение Семейного кодекса Российской Федерации нарушает права, гарантированные статьями 17 – 19 и 23 Конституции Российской Федерации. При этом заявитель ссылается на опыт ряда европейских стран, признающих брак или зарегистрированное партнерство лиц одного пола.

Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные Э. Мурзиным материалы, не нашел оснований для принятия его жалобы к рассмотрению, указав, что оспариваемые заявителем положения «находятся в системной взаимосвязи с нормами международных договоров, обязывающих государство и общество осуществлять защиту семьи как естественной и основной ячейки общества, естественной среды для роста и благополучия всех ее членов, особенно детей, в том числе при образовании семьи, пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и об их воспитании (пункт 3 статьи 16 Всеобщей декларации прав человека, пункт 1 статьи 10 Международного пакта об экономических, социальных и

культурных правах, преамбула Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года и др.)».

В обосновании своей позиции Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что и Конституция Российской Федерации, и международные правовые нормы исходят из того, что одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей. Учитывая данное обстоятельство, а также национальные традиции отношения к браку как биологическому союзу мужчины и женщины, Семейный кодекс Российской Федерации указывает, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии, в частности, с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (статья 1). Таким образом, федеральный законодатель в рамках предоставленной ему компетенции к условиям заключения брака отнес взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, что не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод, перечисленных в жалобе.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что ни из Конституции Российской Федерации, ни из принятых на себя Российской Федерацией международно-правовых обязательств не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола, при том что само по себе отсутствие такой регистрации никак не влияет на уровень признания и гарантий в Российской Федерации прав и свобод заявителя как человека и гражданина.

<...> Не свидетельствует о нарушении конституционных прав заявителя и наличие в ряде государств Европы иного подхода к решению вопросов демографического и социального характера, тем более что в силу статьи 23 Международного пакта о гражданских и политических правах право на вступление в брак и право основывать семью признается именно за мужчинами и женщинами, а статья 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод прямо предусматривает возможность создания семьи в

соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права. <...>

1.2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2007 г. № 851-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязанова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12 и статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации»

Поводом к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации явилась жалоба гражданина Н.Г. Рязанова, в которой оспаривалась конституционность взаимосвязанных положений пункта 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации об условиях заключения брака, а также статьи 14 Семейного Кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, препятствующих заключению брака.

Как следует из представленных заявителем материалов, отделом ЗАГС Промышленного района городского округа Самары управления ЗАГС Самарской области Н.Г. Рязанову было отказано в принятии заявления о заключении брака одновременно с двумя женщинами (невестами), поскольку такая государственная регистрация противоречит, в частности, статье 12 Семейного кодекса Российской Федерации. По мнению заявителя, оспариваемые им положения Семейного кодекса Российской Федерации, запрещающие заключение брака между женщиной и двумя женщинами, противоречат статье 55 Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные Н.Г. Рязановым материалы, не нашел оснований для принятия его жалобы к рассмотрению, указав, что Российская Федерация согласно части 1 статьи 14 Конституции Российской Федерации является светским государством, а потому те или иные религиозные установления и правила, допускающие полигамию брачных союзов, иной подход к решению этого вопроса в ряде

других государств, не могут оказывать влияния на государственную политику в области семейных отношений, основные начала которой характеризуются, в частности, принципом единобрачия (моногамией), исходящим из отношения к браку как биологическому союзу только одного мужчины и одной женщины, что не допускает одновременного нахождения в нескольких браках (абз. 5 п.2).

2. Об алиментной обязанности родителей по отношению к несовершеннолетним детям

2.1. Определение Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Поляковой Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 9 части 2 статьи 43 и частью 1 статьи 111 Федерального закона «Об исполнительном производстве»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Н.А. Поляковой, которая оспаривала конституционность положений Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», а именно: пункта 9 части 2 статьи 43 «Прекращение исполнительного производства», согласно которому исполнительное производство прекращается судебным приставом-исполнителем в случае прекращения алиментных обязательств по основаниям, предусмотренным абзацем вторым пункта 2 статьи 120 Семейного кодекса Российской Федерации, в частности по достижении ребенком совершеннолетия; а также части 1 статьи 111 «Очередность удовлетворения требований взыскателей», определяющей, что в случае, когда взысканная с должника денежная сумма недостаточна для удовлетворения в полном объеме требований, содержащихся в исполнительных документах, указанная сумма распределяется между

взыскателями, предъявившими на день распределения соответствующей денежной суммы исполнительные документы, в следующей очередности:

1) в первую очередь удовлетворяются требования по взысканию алиментов, возмещению вреда, причиненного здоровью, возмещению вреда в связи со смертью кормильца, возмещению ущерба, причиненного преступлением, а также требования о компенсации морального вреда;

2) во вторую очередь удовлетворяются требования по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих (работавших) по трудовому договору, а также по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности;

3) в третью очередь удовлетворяются требования по обязательным платежам в бюджет и во внебюджетные фонды;

4) в четвертую очередь удовлетворяются все остальные требования.

По мнению Н.А. Поляковой, оспариваемые законоположения противоречат Конституции Российской Федерации, ее статьям 4 (часть 2), 18, 19 (часть 1) и 55 (части 2 и 3), в той мере, в какой позволяют судебному приставу-исполнителю прекращать исполнительное производство по требованию о взыскании алиментов в связи с достижением ребенком совершеннолетия при наличии задолженности по их уплате и затем – не одновременно, а только через 24 дня – возбуждать исполнительное производство по взысканию указанной задолженности, притом что данное требование, прямо не отнесенное к первой очереди частью 1 статьи 111 Федерального закона «Об исполнительном производстве», а подлежит удовлетворению в четвертую очередь.

Раскрывая содержание родительской обязанности по алиментному содержанию несовершеннолетнего ребёнка Конституционный Суд Российской Федерации указал, что взыскание алиментов на несовершеннолетних детей является одним из способов реализации конституционных положений о защите детства (статья 7, часть 2; статья 38 Конституции Российской Федерации). В соответствии с нормами

Семейного кодекса Российской Федерации, содержащимися, в частности, в его главе 17, такое взыскание при отсутствии соглашения об уплате алиментов осуществляется членами семьи, в том числе родителями, в судебном порядке (статья 106). Согласно же статье 112 Семейного кодекса взыскание алиментов в размере, установленном решением суда, а также взыскание задолженности по алиментам производится из заработка и (или) иного дохода лица, обязанного уплачивать алименты; при недостаточности заработка и (или) иного дохода алименты удерживаются из находящихся на счетах в банках или в иных кредитных учреждениях денежных средств лица, обязанного уплачивать алименты, а также из денежных средств, переданных по договорам коммерческим и некоммерческим организациям, кроме договоров, влекущих переход права собственности; при недостаточности этих средств взыскание обращается на любое имущество лица, обязанного уплачивать алименты, на которое по закону может быть обращено взыскание (часть 1); обращение взыскания на денежные средства на счетах лица, обязанного уплачивать алименты, и на иное его имущество производится в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном производстве (часть 2).

Отказав заявительнице в рассмотрении жалобы в виду её несоответствия требованиям Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и признания её недопустимости, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что Федеральный закон «Об исполнительном производстве» определяет условия и порядок принудительного исполнения, в частности судебных актов, которыми на граждан возложены обязанности по передаче другим гражданам денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий (часть 1 статьи 1). К числу этих судебных актов относятся и решения судов о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка. Поскольку выплата алиментов,

взыскиваемых в судебном порядке, прекращается на основании абзаца второго пункта 2 статьи 120 Семейного кодекса Российской Федерации по достижении ребенком совершеннолетия или в случае приобретения несовершеннолетними детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия, пункт 9 части 2 статьи 43 Федерального закона «Об исполнительном производстве» предоставляет судебному приставу-исполнителю полномочие по прекращению исполнительного производства о взыскании алиментов при наступлении данных обстоятельств. При этом в силу части 2 статьи 44 названного Федерального закона одновременно с вынесением постановления о прекращении основного (о взыскании алиментов) исполнительного производства по указанному основанию судебный пристав-исполнитель выносит постановление о расчете и взыскании задолженности по алиментам и возбуждает исполнительное производство.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, примененный федеральным законодателем в данном случае термин «одновременно», являясь достаточно определенным, прямо и недвусмысленно обязывает судебного пристава-исполнителя одномоментно совершить действия по прекращению исполнительного производства, расчету задолженности по алиментам и возбуждению исполнительного производства по взысканию такой задолженности с должника. Иное вело бы к нарушению таких принципов исполнительного производства, как законность, своевременность совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, уважение чести и достоинства гражданина, в том числе взыскателя (статья 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), и, в конечном итоге, затрагивало бы конституционное право каждого на судебную защиту, неотъемлемой частью которого, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, является правильное и своевременное исполнение вынесенных судами

решений.

Поскольку установленный указанными нормами порядок, предусматривающий непрерывность процесса принудительного взыскания задолженности по алиментам с должника, служит гарантией соблюдения прав взыскателя, само по себе прекращение исполнительного производства по взысканию алиментов не влечет нарушения прав взыскателя, так как в силу закона одновременно возбуждается новое исполнительное производство по взысканию задолженности по алиментам на основании постановления пристава-исполнителя, в ходе которого для должника могут быть вновь установлены ограничения, действовавшие ранее в ходе основного исполнительного производства по взысканию алиментов, или же установлены новые.

Как отметил Конституционный Суд, поскольку установленный указанными нормами порядок, предусматривающий непрерывность процесса принудительного взыскания задолженности по алиментам с должника, служит гарантией соблюдения прав взыскателя, само по себе прекращение исполнительного производства по взысканию алиментов не влечет нарушения прав взыскателя, так как в силу закона одновременно возбуждается новое исполнительное производство по взысканию задолженности по алиментам на основании постановления пристава-исполнителя, в ходе которого для должника могут быть вновь установлены ограничения, действовавшие ранее в ходе основного исполнительного производства по взысканию алиментов, или же установлены новые. Взыскание задолженности по алиментам в рамках исполнительного производства, возбужденного на основании постановления судебного пристава-исполнителя о расчете и взыскании задолженности по уплате алиментов, в том числе при достижении ребенком совершеннолетия, осуществляется в очередности, установленной законом для удовлетворения требования о взыскании алиментов. <...>

2.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2022 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки О.Г. Клепиковой, которая оспаривает конституционность взаимосвязанных положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации.

По мнению заявительницы, оспариваемые нормы в их взаимосвязи противоречат статьям 1 (часть 1), 7 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают лишение ребенка, имеющего второго родителя, имущественного иммунитета в отношении получаемых из заработной платы первого родителя, находящегося в процедуре банкротства, денежных средств в размере не менее установленной величины прожиточного минимума для детей.

В п. 4.1 мотивировочной части Постановления Конституционный Суд указал, что «согласно Конституции Российской Федерации в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2), материнство и детство, семья находятся под защитой государства, забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2), дети

являются важнейшим приоритетом государственной политики России (статья 67.1, часть 4). В силу этих конституционных требований законодатель, реализуя свои полномочия в сфере семейного права, а именно регулируя отношения, связанные с защитой семьи, материнства, отцовства и детства (статья 72, пункты «ж.1», «к» части 1, Конституции Российской Федерации), установил в Семейном кодексе Российской Федерации взаимные права и обязанности родителей и их детей исходя из того, что в основе регулирования семейных отношений лежат такие принципы, как недопустимость произвольного вмешательства в дела семьи, беспрепятственное осуществление членами семьи своих прав, возможность судебной защиты этих прав, а равно разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (пункты 1 и 3 статьи 1). Согласно данному Кодексу родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (пункт 1 статьи 61), являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (абзац второй пункта 1 статьи 64); праву ребенка на получение содержания от своих родителей корреспондирует обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 60 и пункт 1 статьи 80).

<...> Ответственность за обеспечение надлежащих условий для реализации ребенком права на достойный уровень жизни обязывает родителей предпринять для этого все возможные усилия. Наряду с добровольным исполнением данной обязанности - основанным на общепризнанной презумпции добросовестности родительской заботы о детях, когда родители самостоятельно определяют порядок и формы предоставления им содержания, в том числе посредством соглашения об уплате алиментов, - статья 80 Семейного кодекса Российской Федерации

предусматривает при непредоставлении родителями содержания своим несовершеннолетним детям также возможность принудительного исполнения данной обязанности путем взыскания с родителей алиментов на детей в судебном порядке (пункты 2 и 3).

Подобный подход к вопросу равенства прав и обязанностей, а также ответственности родителей в отношении своих несовершеннолетних детей нашел отражение в практике Верховного Суда Российской Федерации, указавшего следующее. Семейная жизнь предполагает наличие тесной эмоциональной связи в том числе между родителями и детьми, взаимную поддержку членов семьи, ответственность перед семьей всех ее членов. Основными обязанностями родителей в семье являются воспитание, содержание, защита прав и интересов детей. Поскольку родители несут одинаковую ответственность за воспитание и развитие ребенка, эти обязанности должны выполняться независимо от наличия или отсутствия брака родителей, а также их совместного проживания. Невыполнение по вине родителей родительских обязанностей, в том числе по содержанию детей, их материальному обеспечению, может повлечь для родителей установленные законом меры ответственности, среди которых лишение родительских прав (пункт 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2020 года).

Следовательно, положения пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации, имея целью охрану прав и интересов несовершеннолетних детей, создание условий, обеспечивающих им достойную жизнь, благосостояние и свободное развитие, будучи направлены на защиту семьи, материнства, отцовства и детства, отражают признание общественной значимости равных родительских прав и обязанностей матери и отца несовершеннолетнего ребенка, что согласуется с конституционными ценностями

справедливости и юридического равенства. Эти положения ни сами по себе, ни во взаимосвязи с положениями пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и абзаца восьмого части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации – исходя из необходимости баланса названных ценностей и недопустимости умаления ни одной из них, в том числе с учетом принципа, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), – не могут служить основанием для лишения несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина, признанного банкротом, содержания в виде денежных средств в размере установленной величины прожиточного минимума для детей и в том случае, если отсутствуют доказательства неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации. Само по себе непредставление гражданином, признанным банкротом, доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с семейным законодательством не имеет юридического значения для оценки правового положения ребенка как находящегося на иждивении гражданина-должника применительно к решению вопроса об исключении из конкурсной массы этого гражданина денежных средств на ребенка в размере, соответствующем предписанию абзаца восьмого части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации.»

Согласно позиции Конституционного Суда, положения пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривают исключение из конкурсной массы гражданина, признанного несостоятельным (банкротом), денежных средств на общую сумму не менее установленной величины

прожиточного минимума для несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина-должника, в том числе и при отсутствии доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации.

Именно в таком – конституционно-правовом – смысле данные законоположения в системе действующего правового регулирования соответствуют Конституции Российской Федерации, и лишь в таком смысле эти нормы, направленные на защиту прав не только самого гражданина-должника, но и лиц, находящихся на его иждивении, включая несовершеннолетних детей, а равно на обеспечение им нормальных условий существования и гарантий социально-экономических прав, должны пониматься и исполняться всеми правоприменителями.

Выявив конституционно-правовой смысл оспариваемых законоположений, Конституционный Суд пришел к выводу о признании положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают отказа в исключении из конкурсной массы гражданина, признанного несостоятельным (банкротом), денежных средств на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума для несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина-должника, в том числе и при отсутствии доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации. Конституционный Суд исключил любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2.3. Определение Конституционного Суда РФ от 31 января 2023 № 158-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорченко Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации»

В жалобе гражданина М.С. Федорченко, поступившей в Конституционный Суд РФ оспаривается конституционность абзаца первого пункта 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляющего, что алименты присуждаются с момента обращения в суд.

<...> По мнению заявителя, оспариваемое положение противоречит статьям 2, 17 (части 1 и 3), 19, 35 (части 1 и 2), 54 (часть 1) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования оно позволяет присуждать алименты с момента обращения в суд, когда после предъявления иска о взыскании алиментов отцовство в отношении ребенка было установлено на основании поданного в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления отцом (плательщиком алиментов) и матерью ребенка. М.С. Федорченко указывает, что на плательщика алиментов в такой ситуации возлагается гражданско-правовая ответственность в виде уплаты алиментов за прошлое время, а именно за период, когда он достоверно не знал и не мог знать о происхождении ребенка и обязанности его содержать. <...>

Отказав заявителю в рассмотрении жалобы в виду её несоответствия требованиям Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и признания её недопустимости, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что пункт 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации обеспечивает баланс интересов участников алиментных правоотношений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 704-О, от 27 сентября 2018 года № 2324-О и др.).

<...> в соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», если требование о взыскании алиментов предъявлено одновременно с иском об установлении отцовства или материнства, в случае удовлетворения иска об установлении отцовства или материнства алименты присуждаются со дня предъявления иска.

<...> ответственность за обеспечение надлежащих условий для реализации ребенком права на достойный уровень жизни обязывает родителей предпринять для этого все возможные усилия (Постановление от 14 апреля 2022 года № 15-П; Определение от 27 октября 2022 года № 2826-О). Соответственно, оспариваемая норма - в том числе с учетом того, что принудительное исполнение обязанности содержать ребенка не означает привлечения плательщика алиментов к ответственности, - не может расцениваться как нарушающая в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявителя, в деле с участием которого производство по делу в части требования об установлении отцовства прекращено в связи с отказом от иска, обусловленным внесудебным добровольным урегулированием спора (обращением М.С. Федорченко в орган записи актов гражданского состояния с заявлением об установлении отцовства). <...>

2.4. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1605-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Маховиковой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 81 и пунктом 1 статьи 119 Семейного кодекса Российской Федерации»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки И.Ю. Маховиковой, которая оспаривала конституционность положений

Семейного кодекса Российской Федерации, а именно статьи 81, предусматривающей, что при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, на двух детей – одной трети, на трех и более детей – половины заработка и (или) иного дохода родителей (пункт 1); размер этих долей может быть уменьшен или увеличен судом с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств (пункт 2), а также пункта 1 статьи 119, закрепляющего, что, если при отсутствии соглашения об уплате алиментов после установления в судебном порядке размера алиментов изменилось материальное или семейное положение одной из сторон, суд вправе по требованию любой из сторон изменить установленный размер алиментов или освободить лицо, обязанное уплачивать алименты, от их уплаты; при изменении размера алиментов или при освобождении от их уплаты суд вправе учесть также иной заслуживающий внимания интерес сторон.

Как следует из представленных материалов, решением суда общей юрисдикции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, И.Ю. Маховиковой, с которой алименты на несовершеннолетнего ребенка ранее были взысканы в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу, отказано в удовлетворении требования, направленного на установление размера алиментов в размере доли от среднедушевого дохода на ребенка в субъекте Российской Федерации.

Суд первой инстанции отметил, что само по себе рождение у плательщика алиментов второго ребенка не является основанием для изменения размера взыскиваемых с него алиментов. Оставляя без изменения названные судебные постановления, суд кассационной инстанции указал на отсутствие обстоятельств, исключающих уплату алиментов в установленном судом размере либо свидетельствующих об ущемлении прав другого ребенка или плательщика алиментов. В передаче

кассационной жалобы на судебные постановления нижестоящих судов для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации было отказано.

По мнению заявительницы, оспариваемые положения противоречат статьям 17 – 19 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, они, исключая уменьшение судом размера алиментов на несовершеннолетнего ребенка, не позволяют – с учетом ухудшения материального положения и изменения семейного положения плательщика алиментов - обеспечить баланс прав и законных интересов всех участников семейных правоотношений, в том числе его несовершеннолетних детей. И.Ю. Маховикова, в частности, указывает на нарушение законных интересов второго несовершеннолетнего ребенка, находящегося на ее иждивении.

Изучив представленные материалы Конституционный Суд Российской Федерации не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению. По мнению Конституционного Суда, пункт 1 статьи 119 Семейного кодекса Российской Федерации в истолковании, придаваемом ему правоприменительной практикой, предполагает, что изменение материального или семейного положения родителя, уплачивающего алименты на несовершеннолетнего ребенка, не является безусловным основанием для удовлетворения его иска о снижении размера алиментов, поскольку необходимо установить, что такие изменения не позволяют ему поддерживать выплату алиментов в прежнем размере (абзац второй пункта 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в основе правового регулирования принудительного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних

детей лежит требование о необходимости обеспечения баланса интересов обеих сторон алиментных отношений (постановления от 6 октября 2017 года № 23-П и от 1 февраля 2019 года № 7-П; определения от 17 января 2012 года № 122-О-О, от 20 июля 2021 года № 1636-О и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что оспариваемые заявительницей нормы – в том числе с учетом истолкования, придаваемого пункту 1 статьи 119 Семейного кодекса Российской Федерации правоприменительной практикой, – не могут расцениваться как нарушающие в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права заявительницы, в деле с участием которой суд апелляционной инстанции указал на отсутствие доказательств того, что материальное и семейное положение И.Ю. Маховиковой не позволяет ей поддерживать уровень обеспеченности первого ребенка. Также, по мнению Конституционного Суда, оспариваемые нормы не могут рассматриваться и в качестве нарушающих конституционные права несовершеннолетних детей заявительницы.

2.5. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2019 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности подпункта «п» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Г.А. Белоскова»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Г.А. Белоскова, который оспаривает конституционность положений Постановления Правительства РФ от 18 июля 1996 № 841 «О Перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей», позволяющих удержание алиментов с сумм компенсационных выплат, предоставляемых работнику за использование им личного транспорта в интересах

работодателя.

Раскрывая содержание родительских обязанностей по жизнеобеспечению ребёнка Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «надлежащее исполнение родителями своей конституционной обязанности заботиться о детях неразрывно связано с реализацией ими таких гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод, как право на труд и право на вознаграждение за труд (статья 37, части 1 и 3), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), а также имущественные права (статья 35, часть 2). Их осуществление в Российской Федерации как правовом демократическом государстве с социально ориентированной рыночной экономикой, цель которого – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, предполагает возможность распоряжения своими способностями и имуществом различными, самостоятельно избранными способами с целью получения соответствующего дохода (заработной платы, прибыли) (п.2).

Закрепляя обязанность родителей заботиться о детях, Конституция Российской Федерации не устанавливает конкретный порядок ее исполнения, что в силу ее статей 71 (пункт «в») и 72 (пункты «б», «к» части 1), обязывающих федерального законодателя осуществлять регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина в сфере семейных отношений, обуславливает необходимость установления в отраслевом законодательстве соответствующих правил.

Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, взыскание алиментов на несовершеннолетних детей является одним из способов реализации конституционных положений о защите детства (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 года № 841-О-О и от 5 июля 2011 года № 953-О-О). При этом, как следует из правовой позиции, выраженной ранее в Постановлении

Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2010 года № 17-П, требование об изъятии части экономической выгоды (дохода) от занятия предпринимательской деятельностью либо части заработной платы, имеющее целью обеспечение исполнения родителями в установленных законом случаях своих алиментных обязательств, само по себе не может рассматриваться как ограничение конституционных экономических прав, препятствующее их реализации на основе гарантированного Конституцией Российской Федерации (статья 19, часть 2) равенства прав и свобод человека и гражданина. Федеральный законодатель, устанавливая в соответствии с закрепленными Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о правах ребенка принципами справедливости, равенства, соразмерности правовой механизм взыскания алиментов на несовершеннолетних детей, обязан обеспечить соблюдение баланса интересов сторон соответствующих правовых отношений и исключить чрезмерное и неразумное обременение лиц, осуществляющих алиментные выплаты.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, требование об обеспечении баланса имущественных прав участников правоотношений согласуется с положением статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (определения от 24 ноября 2016 года № 2447-О и от 28 февраля 2017 года № 431-О).

Осуществляя в порядке конкретизации конституционных предписаний и приведенных положений международно-правовых актов дискреционные полномочия, федеральный законодатель закрепил в Семейном кодексе Российской Федерации в числе принципов регулирования семейных отношений заботу о благосостоянии и развитии детей, обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (статья 1). На

основе этих принципов в Семейном кодексе Российской Федерации определяются права и обязанности родителей и детей, в том числе имущественные, включая право ребенка на получение содержания от своих родителей и обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей (статьи 60 и 80).

Исходя из приоритета добровольного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей, основанного на общепризнанной презумпции добросовестности родительской заботы о детях, Семейным кодексом Российской Федерации урегулировано содержание алиментных обязательств, включая их размеры, и вместе с тем предусмотрена возможность принудительного исполнения данной обязанности путем взыскания с родителей алиментов на несовершеннолетних детей в судебном порядке (статья 80), а также установлены способы определения судом размеров взыскиваемых алиментов: в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу алиментобязанного родителя, в твердой денежной сумме, в долях и в твердой денежной сумме одновременно (статьи 81 и 83). Так, согласно статье 82 Семейного кодекса Российской Федерации виды заработка и (или) иного дохода, которые получают родители в рублях и (или) в иностранной валюте и из которых производится удержание алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей в соответствии со статьей 81 данного Кодекса, определяются Правительством Российской Федерации.

Реализуя делегированное ему полномочие, Правительство Российской Федерации постановлением от 18 июля 1996 года № 841 утвердило Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей.

Согласно пункту 1 указанного Перечня определено, что удержание алиментов на несовершеннолетних детей производится со всех видов заработной платы (денежного вознаграждения, содержания) и дополнительного вознаграждения как по основному месту работы, так и

за работу по совместительству, которые получают родители в денежной и натуральной форме, в том числе: с заработной платы; с надбавок и доплат к тарифным ставкам, окладам (должностным окладам) за профессиональное мастерство, классность, выслугу лет (стаж работы), ученую степень, ученое звание, знание иностранного языка, работу со сведениями, составляющими государственную тайну, совмещение профессий (должностей), расширение зон обслуживания, увеличение объема выполняемых работ, руководство бригадой и др.; с выплат, связанных с условиями труда, в том числе выплат, обусловленных районным регулированием оплаты труда, повышенной оплатой труда на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда, а также с выплат за работу в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, с оплаты сверхурочной работы; с премий и вознаграждений, предусмотренных системой оплаты труда; с суммы среднего заработка, сохраняемого за работником во всех случаях, предусмотренных законодательством о труде, в том числе во время отпуска; с суммы дополнительного вознаграждения работникам, за исключением работников, получающих оклад (должностной оклад), за нерабочие праздничные дни, в которые они не привлекались к работе; с других видов выплат к заработной плате, установленных законодательством субъекта Российской Федерации или применяемых у соответствующего работодателя.

На основе приведенных доводов Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о неконституционности оспариваемых заявителем положений, признав подпункт «п» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 35 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования допускает удержание алиментов на несовершеннолетних

детей с выплачиваемых работодателем алиментобязанному работнику при использовании личного транспорта работника с согласия или ведома работодателя и в его интересах сумм возмещения расходов (компенсации за использование, износ (амортизацию) личного транспорта работника и сумм возмещения расходов, связанных с использованием личного транспорта).

2.6. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 841-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кокорина Олега Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 117 Семейного кодекса Российской Федерации, статьей 3 и частью второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»

В Конституционный Суд РФ поступила жалоба гражданина О.В. Кокорина, который оспаривает конституционность взаимосвязанных положений статьи 117 Семейного кодекса Российской Федерации, статьи 3 и части второй статьи 5 Федерального закона от 19 июня 2000 года № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда», поскольку они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют применять к алиментным обязательствам минимальный размер оплаты труда, установленный для регулирования трудовых отношений, в качестве норматива в целях индексации алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме.

Отказав заявителю в рассмотрении жалобы в виду её несоответствия требованиям Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и признания её недопустимости, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что <...> согласно Конституции Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие

человека, в Российской Федерации устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2); материнство и детство, семья находятся под защитой государства, забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2). оспариваемые заявителем конституционные положения согласуются в полной мере с положениями статьи 27 Конвенции о правах ребенка 1989 года, в соответствии с которыми государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка (пункт 1); родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка (пункт 2).

Приведенным положениям корреспондирует закрепленный в пункте 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации принцип заботы о благосостоянии детей, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Согласно пункту 2 статьи 83 Семейного кодекса размер твердой денежной суммы взыскиваемых на несовершеннолетних детей алиментов определяется судом исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что Конституция Российской Федерации не конкретизирует порядок, условия и размер алиментных выплат трудоспособным родителем своему несовершеннолетнему ребенку, что в силу ее статьи 71 (пункт «в»), требующей от федерального законодателя осуществлять регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина, предполагает установление

в отраслевом законодательстве соответствующих эффективных правовых механизмов. Вопросы алиментных обязательств, в том числе размеров алиментных платежей, урегулированы в Семейном кодексе Российской Федерации, согласно которому при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов на несовершеннолетних детей и в случаях, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо если этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, если взыскание алиментов в доленом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях (в соответствии со статьей 81 Семейного кодекса) и в твердой денежной сумме (пункт 1 статьи 83); индексация алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, производится администрацией организации по месту удержания алиментов пропорционально увеличению установленного законом минимального размера оплаты труда (пункт 1 статьи 117).

Оспариваемые заявителем законоположения в системе действующего нормативно-правового регулирования, в том числе в системной связи с пунктом 1 статьи 119 Семейного Кодекса, в соответствии с которым плательщик алиментов имеет возможность обратиться с иском в суд об изменении установленного размера алиментов, а суд с учетом получаемых заявителем доходов, сочтя такие обязательные платежи чрезмерными, вправе принять решение об их уменьшении, направлены на сохранение как получателю, так и плательщику алиментов необходимого уровня жизни. Выбор же критериев индексации должен быть обусловлен правовой природой

алиментных платежей и относится к дискреции законодателя.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что оспариваемые в жалобе О.В. Кокорина законоположения не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы граждан, уплачивающих алименты, поскольку имеют целью сохранение уровня жизнеобеспечения их получателя - несовершеннолетнего ребенка плательщика, в системе действующего нормативного правового регулирования направлены на соблюдение установленных Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о правах ребенка принципов справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности, гарантированности и защиты прав и интересов нуждающихся в материальной поддержке граждан со стороны трудоспособных и обеспеченных в достаточной мере членов их семьи и не предполагают чрезмерное и неразумное обременение граждан, осуществляющих алиментные выплаты, взыскиваемые в твердой денежной сумме. <...>

2.7. Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2011 г. № 953-О-О «По жалобе гражданки Плотниковой Марины Викторовны на нарушение ее конституционных прав статьями 3, 4 и 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»

Отказав заявительнице в рассмотрении жалобы в виду её несоответствия требованиям Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и признания её недопустимости, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что согласно Конституции Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в Российской Федерации устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; материнство и детство, семья находятся

под защитой государства, забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (статья 7; статья 38, части 1 и 2).

Право детей на особую заботу и помощь провозглашено Всеобщей декларацией прав человека и наряду с принципом приоритета интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни государства закреплено Конвенцией о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), статья 27 которой предусматривает, что государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (пункт 1); родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для его развития (пункт 2).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов корреспондируют закрепленные в пункте 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации принципы заботы о благосостоянии и развитии детей, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, на реализацию которых направлены, в частности, положения данного Кодекса, предусматривающие такие права ребенка, как право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, знать своих родителей, на их заботу, равно как и обязанность родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей (пункт 2 статьи 54 и пункт 1 статьи 80), которая, как правило, реализуется родителями добровольно.

Если же родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, соответствующие средства (алименты), согласно Семейному кодексу Российской Федерации, взыскиваются с родителей в судебном порядке (пункт 2 статьи 80); при этом в случаях, когда родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо получает заработок и (или)

иной доход полностью или частично в натуре или иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, когда взыскание алиментов в доленом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме (пункт 1 статьи 83), размер которой определяется судом исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств (пункт 2 статьи 83).

Индексация алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, как установлено статьей 117 Семейного кодекса Российской Федерации, производится пропорционально увеличению установленного законом минимального размера оплаты труда (пункт 1); в целях индексации размер алиментов устанавливается судом в твердой денежной сумме, соответствующей определенному числу минимальных размеров оплаты труда (пункт 2). Условие об индексации алиментов, взыскиваемых в твердой сумме, пропорционально повышению минимального размера оплаты труда закреплено и в части первой статьи 102 «Порядок взыскания алиментов и задолженности по алиментным обязательствам» Федерального закона от 2 июля 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

3. Равенство прав и обязанностей родителей по воспитанию и содержанию детей

3.1. Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1155-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сысоева Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 14 во взаимосвязи с пунктами 1 и 6 части 1 статьи 1.2 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина И.А. Сысоева, который оспаривает конституционность взаимосвязанных положений Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»: пунктов 1 и 6 части 1 статьи 1.2, закрепляющих понятия «обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» и «средний заработок»; части 2 статьи 14, согласно которой в средний заработок, исходя из которого исчисляются пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, включаются все виды выплат и иных вознаграждений в пользу застрахованного лица, на которые начислены страховые взносы в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (за период по 31 декабря 2016 года включительно) и (или) в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (начиная с 1 января 2017 года).

По мнению заявителя, оспариваемые нормы, примененные в его деле судами общей юрисдикции, не соответствуют статьям 2, 15, 17 - 19, 37

(часть 3), 39 (часть 2), 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации, поскольку допускают возможность определять размер пособия по временной нетрудоспособности исходя из среднего заработка, исчисленного с учетом сумм выплаченного по решению суда среднего заработка за время вынужденного прогула, что не позволяет в полной мере соблюсти конституционные гарантии и правовой интерес работника.

Отказав заявителю в рассмотрении жалобы в виду её несоответствия требованиям Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и признания её недопустимости, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации в Российской Федерации как социальном государстве обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов, пожилых граждан, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7); каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, предусмотренных законом (статья 39, часть 1). Вместе с тем определение оснований и организационно правового механизма предоставления конкретных видов социального обеспечения относится к компетенции законодателя (статья 39, часть 2, Конституции Российской Федерации), который вправе устанавливать условия приобретения права на них отдельными категориями граждан.

По мнению Конституционного Суда РФ, в рамках обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, являющегося частью системы обязательного социального страхования, Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» закрепляет право лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию (к которым относятся работающие по трудовому

договору, государственные гражданские служащие, муниципальные служащие и др.) и являющихся застрахованными, на страховое обеспечение в виде пособия по временной нетрудоспособности в случаях, предусмотренных законодательством (пункт 1 части 1 статьи 1.2, пункт 1 части 1 статьи 1.4, статья 2, пункт 2 части 2 статьи 3 и статья 5). Учитывая, что данный вид пособия является одним из видов обязательного социального страхования и выплачивается в том числе из средств бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (до 1 января 2023 года - Фонда социального страхования Российской Федерации), которые формируются за счет уплаты страхователями страховых взносов, федеральный законодатель предусмотрел исчисление размера пособия по временной нетрудоспособности, по общему правилу, исходя из среднего заработка застрахованного лица, на который начислены страховые взносы (пункт 6 части 1 статьи 1.2, статья 7 и часть 2 статьи 14 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»). В силу положений подпункта 1 пункта 1 статьи 420, пункта 1 статьи 421 и статьи 422 Налогового кодекса Российской Федерации суммы среднего заработка, выплачиваемые работнику, восстановленному в ранее занимаемой должности в соответствии с решением суда, облагаются страховыми взносами в общеустановленном порядке как выплаты, производимые организацией работнику в связи с наличием с ним трудовых отношений.

Такое правовое регулирование, позволяющее застрахованным лицам получать пособие по временной нетрудоспособности в размере, сопоставимом с суммами начисленных страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (до 1 января 2023 года - Фонд социального страхования Российской Федерации), не может расцениваться как нарушающее конституционные права граждан, поскольку имеет целью обеспечить справедливое распределение средств данного Фонда и согласуется с правовой позицией Конституционного Суда

Российской Федерации, указавшего, что устанавливаемый федеральным законодателем правовой режим пособий по обязательному социальному страхованию должен быть основан на универсальных принципах справедливости, юридического равенства, сбалансированности прав и обязанностей (статья 6, часть 2; статья 19 Конституции Российской Федерации) и этим обусловлена недопустимость существенных диспропорций между платежами, которые вносятся в Фонд социального страхования Российской Федерации и из которых формируются его средства, и страховым обеспечением, выплачиваемым из этих средств (постановления от 24 февраля 1998 года № 7-П, от 23 декабря 1999 года № 18-П и от 22 марта 2007 года № 4-П).

Конституционный Суд пришел к выводу, что оспариваемые законоположения не могут рассматриваться как нарушающие права заявителя, которому пособие выплачено за периоды нетрудоспособности, имевшие место во время вынужденного прогула, наряду с выплатой по решению суда сумм среднего заработка. Разрешение же вопроса об установлении иного порядка исчисления среднего заработка для определения размера пособия по временной нетрудоспособности относится к исключительной компетенции законодателя и в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не входит.

3.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки М.В.

Григорьевой, которая оспаривает конституционность взаимосвязанных положений пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющего момент возникновения правоспособности гражданина, в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования служит основанием для решения вопроса о возможности компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти отца.

По мнению заявительницы, оспариваемая норма противоречит статьям 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 67.1 (часть 4) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она не позволяет не родившемуся к моменту смерти отца ребёнку взыскать с виновного лица компенсацию морального вреда, причиненного смертью родителя.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, решением Котласского городского суда Архангельской области от 7 июня 2021 года в пользу сына М.В. Григорьевой, родившегося 12 апреля 2015 года, взыскана компенсация морального вреда в связи со смертью его отца, наступившей до его рождения – 17 марта того же года в результате случившегося 5 марта дорожно-транспортного происшествия. Суд, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, при определении размера компенсации учел обстоятельства, свидетельствующие о причинении сыну потерпевшего нравственных страданий (ребенок лишился возможности общения с отцом, его заботы), – индивидуальные особенности ребенка, включая возраст, а также фактические обстоятельства, при которых был причинен вред, и тот факт, что в соответствии со вступившими ранее в силу решениями суда с виновника аварии в пользу старшего сына потерпевшего, его супруги, отца и брата взыскана компенсация морального вреда в размере 200 000 руб. каждому из них.

Определением судебной коллегии по гражданским делам

Архангельского областного суда от 7 октября 2021 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2022 года, решение суда первой инстанции отменено, в иске отказано. При этом суды указали на отсутствие достаточных оснований для удовлетворения заявленного требования, поскольку к моменту смерти отца ребенок еще не родился, правоспособностью не обладал, а гибель отца не могла вызвать физические и нравственные страдания у неродившегося ребенка. Кроме того, как отметил суд кассационной инстанции, не представлено доказательств причинения несовершеннолетнему физических и нравственных страданий, связанных со смертью отца. В передаче кассационной жалобы на определения судов апелляционной и кассационной инстанций для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи этого суда от 7 июня 2022 года.

Оспоренное законоположение Конституционным Судом Российской Федерации признано не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования оно не предполагает его применения в качестве основания для отказа в компенсации морального вреда в таком случае.

Как указал Конституционный Суд, действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе, когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился. Те же принципы положены в основу регулирования возмещения имущественного вреда ребенку потерпевшего (кормильца), родившемуся после его смерти (пункт 1 статьи 1088 ГК Российской Федерации). Конституционный Суд привел

доводы, содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а именно в пункте 33 постановления от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», право на возмещение вреда в связи с гибелью кормильца сохраняется за несовершеннолетним в случае его последующего усыновления другим лицом (статья 138 Семейного кодекса Российской Федерации). При рассмотрении же дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего членам его семьи, иждивенцам суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий; наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда (пункт 32 названного постановления). <...>

3.3. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки О.С. Шишкиной, которая оспаривает конституционность взаимосвязанных положений пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 ГПК Российской Федерации как противоречащие статье 35 (часть 4) Конституции Российской Федерации, гарантирующей право наследования, в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, препятствуют наследникам лица, записанного в качестве отца

ребенка в книгу записей рождений с нарушением требований законодательства, защищать свои имущественные права.

В п. 2.1. мотивировочной части решения Конституционный Суд РФ указал, что согласно Конституции Российской Федерации семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1). Забота о детях, их воспитание - право и обязанность родителей (статья 38, часть 2). Ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Семейное законодательство, как следует из статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации, исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (пункт 1); запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, при этом права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан (пункт 4).

Согласно Семейному кодексу Российской Федерации семейное законодательство устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми

(усыновителями и усыновленными) (статья 2). При этом в силу пункта 1 статьи 7 Семейного кодекса Российской Федерации граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений (семейными правами), в том числе правом на защиту этих прав, если иное не установлено данным Кодексом; осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан.

Осуществляя в порядке конкретизации названного конституционного положения свои дискреционные полномочия, федеральный законодатель закрепил в Семейном кодексе Российской Федерации в числе принципов регулирования семейных отношений также обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних (пункт 3 статьи 1).

В п. 3 Конституционный Суд РФ подчеркнул, что права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке (статья 47 Семейного кодекса Российской Федерации). Таким порядком является государственная регистрация рождения, которая производится посредством составления записи акта о рождении, куда вносятся в числе прочего сведения о родителях ребенка (пункт 2 статьи 3, пункт 1 статьи 22 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»).

В силу особой значимости правовых последствий совершения юридических действий, удостоверяющих происхождение ребенка, федеральный законодатель детально регламентировал порядок внесения записи о родителях ребенка в книгу записей рождений. Согласно статье 51 Семейного кодекса Российской Федерации отец и мать, состоящие в браке между собой, записываются родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из них (пункт 1); если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению

матери, а запись об отце ребенка - по совместному заявлению отца и матери ребенка, или по заявлению отца ребенка, или отец записывается согласно решению суда (пункт 2).

Произведенная в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации запись родителей в книге записей рождений может быть оспорена только в судебном порядке по требованию лица, записанного в качестве отца или матери ребенка, либо лица, фактически являющегося отцом или матерью ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия, опекуна (попечителя) ребенка, опекуна родителя, признанного судом недееспособным (пункт 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации).

Как ранее неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, пункт 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, определяющий круг лиц, наделенных правом оспаривать запись родителей в книге записей рождений, направлен на реализацию принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (определения от 26 мая 2011 года № 875-О-О, от 20 апреля 2017 года № 887-О, от 27 февраля 2020 года № 370-О и др.), что согласуется с конституционным принципом государственной поддержки и защиты семьи, материнства, отцовства и детства, закрепленным в статьях 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Данный вывод согласуется и с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации о том, что осуществляемое законодателем правовое регулирование - исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений - должно

обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, а потому, по смыслу статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, под защитой которых находятся семья, материнство, отцовство и детство, в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке соответствующих законодательных ограничений должен лежать именно принцип максимального обеспечения интересов семьи и всех ее членов (Постановление от 16 июня 2015 года № 15-П).

Конституционный Суд РФ отметил, что механизм реализации наследственных прав, в значительной степени ориентированных на семейно-правовые связи, существующие между участниками наследственных отношений (глава 63 части третьей ГК Российской Федерации), обусловлен правовой природой юридического факта, который связывает наследодателя с наследниками (брак, наличие установленной в предусмотренном законом порядке родственной связи, в том числе между родителями и детьми и др.) (п. 4). Так, в силу Семейного кодекса Российской Федерации отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, устанавливается путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления отцом и матерью ребенка; в случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места нахождения матери или в случае лишения ее родительских прав - по заявлению отца ребенка с согласия органа опеки и попечительства, при отсутствии такого согласия - по решению суда (пункт 3 статьи 48). При отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке по заявлению одного из родителей, опекуна (попечителя) ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а также по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия; при этом суд принимает во

внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица (статья 49). В случае смерти лица, которое признавало себя отцом ребенка, но не состояло в браке с матерью ребенка, факт признания им отцовства может быть установлен в судебном порядке по правилам, установленным гражданским процессуальным законодательством (статья 50).

При установлении отцовства в порядке, предусмотренном статьями 48 - 50 данного Кодекса, дети имеют такие же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, какие имеют дети, родившиеся от лиц, состоящих в браке между собой (статья 53 Семейного кодекса Российской Федерации).

В некоторых ситуациях вопрос о происхождении ребенка, в частности об установлении отцовства (материнства), об установлении факта рождения ребенка конкретной женщиной, об установлении факта признания отцовства или факта отцовства, об оспаривании отцовства (материнства) и исключении сведений об отце или матери ребенка из записи акта о рождении ребенка, разрешается судом (п.4.1.)

При этом, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отцовство устанавливается по правилам искового производства (статья 49 Семейного кодекса Российской Федерации), в то время как факт признания отцовства или факт отцовства может быть установлен судом по правилам особого производства, предусмотренным главой 28 ГПК Российской Федерации, при условии, что не возникает спора о праве (пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»).

В пункте 25 названного постановления со ссылкой на пункт 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации приведен перечень лиц, которые вправе обратиться с иском заявлением об оспаривании

отцовства (материнства). Кроме того, указанное право принадлежит также ребенку, не достигшему возраста восемнадцати лет, приобретшему полную дееспособность в результате эмансипации или вступления в брак (пункт 2 статьи 21, пункт 1 статьи 27 ГК Российской Федерации).

Ввиду того что семейное законодательство исходит из недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (статья 1 Семейного кодекса Российской Федерации), указанный перечень лиц является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. В случае, если исковое заявление об оспаривании записи об отце (матери) ребенка в книге записей рождений подано лицом, не относящимся к перечню лиц, указанных в пункте 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации (например, одним из наследников лица, записанного в качестве отца (матери) ребенка, либо родственником ребенка, не назначенным в установленном законом порядке его опекуном или попечителем), судья отказывает в принятии искового заявления на основании пункта 1 части первой статьи 134 ГПК Российской Федерации, а если производство по делу возбуждено - суд прекращает производство по делу в соответствии с абзацем вторым статьи 220 ГПК Российской Федерации (пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»).

В названном постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации также указал на возможность оспаривания записи об отце (матери) ребенка и после смерти лица, записанного отцом (матерью) ребенка (пункт 26).

Следовательно, существующая модель правового регулирования ситуации – когда в случае смерти лица, записанного в качестве отца ребенка в книге записей рождений в соответствии с пунктом 2 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации (в частности, если запись в книге записей рождений произведена по совместному заявлению отца и

матери ребенка, не состоящих в браке между собой), исковое заявление об оспаривании такой записи не может быть предъявлено наследником умершего, не относящимся к перечню лиц, указанных в пункте 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, – является конституционно оправданной, поскольку позволяет обеспечить реализацию принципа приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1 Конституции Российской Федерации).

Соответственно, сами по себе положения пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 ГПК Российской Федерации не могут рассматриваться как влекущие такое несоблюдение права наследования, которое ставило бы под сомнение их конституционность, а юридическое содержание названных норм, в том числе с учетом приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не дает оснований для вывода об их неопределенности в обозначенном аспекте, связанном с кругом лиц, имеющих право оспаривать запись об отце в книге записей рождений.

Конституционный Суд РФ констатировал, что из представленных материалов следует, что оспариваемая заявительницей запись об отце ребенка в книге записей рождений произведена органом записи актов гражданского состояния на основании совместного заявления отца и матери ребенка, не состоящих в браке между собой. Однако судебной почерковедческой экспертизой, проведенной в ходе судебного разбирательства дела, установлено, что подпись отца на заявлении и в записи акта об установлении отцовства выполнена не им самим, а другим лицом. От проведения судебной молекулярно-генетической экспертизы, а также повторной судебной почерковедческой экспертизы мать ребенка отказалась.

В силу статьи 48 Федерального закона «Об актах гражданского

состояния» одним из оснований для государственной регистрации установления отцовства является совместное заявление об установлении отцовства отца и матери ребенка, не состоящих между собой в браке на момент рождения ребенка. Процедура подачи такого заявления регламентирована статьей 50 названного Федерального закона. Так, совместное заявление об установлении отцовства отца и матери ребенка, не состоящих между собой в браке на момент рождения ребенка, подается ими в письменной форме в орган записи актов гражданского состояния при государственной регистрации рождения ребенка или после нее (пункты 1 и 2). В совместном заявлении об установлении отцовства должны быть подтверждены признание отцовства лицом, не состоящим в браке с матерью ребенка, и согласие матери на установление отцовства; заявители подписывают совместное заявление об установлении отцовства и указывают дату его составления (пункт 4). В случае, если отец или мать ребенка не имеют возможности лично подать совместное заявление в орган записи актов гражданского состояния, их волеизъявление может быть оформлено отдельными заявлениями об установлении отцовства. Подпись лица, не имеющего возможности присутствовать при подаче такого заявления, должна быть нотариально удостоверена (пункт 5).

Основным документом, подтверждающим факт государственной регистрации установления отцовства, является свидетельство об установлении отцовства; на основании записи акта об установлении отцовства в запись акта о рождении ребенка вносятся сведения о его отце (статьи 56 и 57 названного Федерального закона).

Соответственно, установление отцовства лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, без его подписи в совместном заявлении не может считаться подтвержденным, нарушает установленную в силу пункта 2 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации процедуру подачи совместного заявления отца и матери ребенка об установлении отцовства и ставит под сомнение произведенную по такому совместному заявлению

в книге записей рождений запись об отце ребенка.

Поскольку внесение исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния производится органом записи актов гражданского состояния при отсутствии спора между заинтересованными лицами лишь при наличии оснований, предусмотренных пунктом 2 статьи 69 Федерального закона "Об актах гражданского состояния", среди которых отсутствует основание, связанное с несоблюдением процедуры подачи совместного заявления об установлении отцовства, в том числе в случае отсутствия (подлинной) подписи отца на таком заявлении, - внесение исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния в таких случаях может производиться только на основании решения суда.

Таким образом, запись об отце ребенка в книге записей рождений, произведенная с нарушением установленного законом порядка подачи совместного заявления отца и матери ребенка, не состоящих в браке между собой (пункт 2 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации), может быть оспорена только в судебном порядке. Однако, устанавливая в пункте 1 статьи 52 данного Кодекса порядок оспаривания отцовства и определяя исчерпывающий перечень лиц, которые вправе обратиться с исковым заявлением об оспаривании отцовства, действующее законодательство не содержит специального регулирования отношений, связанных с регламентацией порядка оспаривания отцовства, для случаев, когда требования пункта 2 статьи 51 данного Кодекса о подаче совместного заявления для внесения в книгу записей рождений записи об отце ребенка не были соблюдены. Законодательство лишь предусматривает возможность аннулирования записи актов гражданского состояния на основании решения суда (абзац третий пункта 3 статьи 47 ГК Российской Федерации, статья 75 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»).

В соответствии с требованием статьи 17 (часть 3) Конституции

Российской Федерации о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации определен исчерпывающий перечень лиц, которые вправе обратиться с иском заявлением об оспаривании отцовства, в целях обеспечения реализации принципа приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Однако в отсутствие специального регулирования порядка оспаривания отцовства для случаев, когда требования пункта 2 статьи 51 данного Кодекса о подаче совместного заявления для внесения в книгу записей рождений записи об отце ребенка не были соблюдены (в частности, когда подпись отца на совместном заявлении родителей не является подлинной), правоприменительная практика, по существу, отрицает возможность защиты интересов наследников лица, записанного в качестве отца ребенка в книге записей рождений на основании подложных документов.

Между тем анализ практики применения пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, включая принятые по делу с участием заявительницы судебные постановления, свидетельствует о том, что установленный в данной норме перечень лиц, имеющих право подать исковое заявление об оспаривании записи об отце ребенка в книге записей рождений, является не просто исчерпывающим, но и не подлежащим расширительному толкованию. При этом суды считают его подлежащим применению без учета обстоятельств конкретного дела, в частности, когда установлен факт несоблюдения требований пункта 2 статьи 51 данного Кодекса о подаче совместного заявления для внесения в книгу записей рождений записи об отце ребенка (в частности, наличие поддельного заявления об установлении отцовства в отношении наследодателя, при жизни не знавшего о нарушении его прав и законных интересов). Подобный подход необоснованно расширяет круг жизненных ситуаций,

попадающих в сферу действия ограничений по кругу лиц, содержащихся в оспариваемой норме Семейного кодекса Российской Федерации.

Соответственно, пункт 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункт 1 части первой статьи 134 и абзац второй статьи 220 ГПК Российской Федерации в их взаимосвязи – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – по существу, ставят реализацию прав наследников, имеющих законные основания для принятия наследства, открывшегося после смерти лица, записанного отцом ребенка в книге записей рождений с нарушением требований законодательства (на основании подложных документов), в зависимость от возможности реализации ими права на подачу искового заявления об оспаривании такой записи (и других сопряженных с ним процессуальных прав).

В резолютивной части решения Конституционный Суд РФ признал пункт 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункт 1 части первой статьи 134 и абзац второй статьи 220 ГПК Российской Федерации в их взаимосвязи не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 17, 18, 35 (часть 4), 46 (части 1 и 2), в той мере, в какой эти законоположения по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, служат основанием для отказа наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка в книгу записей рождений с нарушениями требований закона (в отсутствие его волеизъявления, на основании подложных документов и т.п.), в принятии искового заявления об аннулировании такой записи, а если производство по делу возбуждено - для прекращения производства по делу без его рассмотрения по существу. Конституционный суд РФ указал федеральному законодателю на необходимость внести необходимые изменения в правовое регулирование оспаривания записи об отце в книге записей рождений, конкретизировав его в части определения круга лиц, наделенных правом требовать аннулирования записи о родителях в книге записей рождений для случаев несоблюдения требований пункта 2 статьи 51 Семейного

кодекса Российской Федерации (о подаче совместного заявления для внесения в книгу записей рождений записи об отце ребенка), и включения в него наследников. <...>

3.4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева»

Поводом к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации явилась жалоба гражданина А.Е. Остаева, в которой оспаривалась конституционность взаимосвязанных положений части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в том, что она не предоставляет отцу ребенка, не достигшего трехлетнего возраста, возможности пользоваться такими же гарантиями при увольнении по инициативе работодателя, какие предоставлялись бы в аналогичной ситуации матери этого ребенка, при том что Конституция Российской Федерации наделяет их равными правами и возлагает на них равные обязанности по содержанию и воспитанию детей. Лишение отца равного с матерью права на дополнительные гарантии при увольнении противоречит, по мнению заявителя, Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьям 7 (часть 2), 19 и 38 (части 1 и 2), приводит к дискриминации по признаку пола, не согласуется с требованиями Конвенции МОТ «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (пункт 1 статьи 1 и статья 4) и, кроме того, ставит многодетные семьи, в которых матери осуществляют уход за детьми в возрасте до трех лет и в трудовых отношениях не состоят, в неблагоприятное положение с точки зрения защиты от снижения жизненного уровня.

<...> Согласно Конституции Российской Федерации политика Российской Федерации как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты; материнство и детство, семья находятся под защитой государства; мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (статья 7; статья 19, часть 3; статья 38, часть 1).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, обуславливающим необходимость обеспечения - на основе общепринятых в социальных государствах стандартов – родителям и другим лицам, воспитывающим детей, возможности достойно выполнять соответствующие социальные функции, корреспондируют требования Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), которая, исходя из принципа приоритета интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни, обязывает подписавшие ее государства принимать все законодательные и административные меры к тому, чтобы обеспечить детям необходимые для их благополучия защиту и заботу, принимая во внимание права и обязанности родителей, опекунов и других лиц, несущих за них ответственность по закону (пункт 2 статьи 3), признавать право каждого ребенка на уровень жизни, который требуется для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (пункт 1 статьи 27), с учетом того, что родители или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за создание в пределах своих способностей и финансовых возможностей необходимых для этого условий (пункт 2 статьи 27).

<...> Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства, детства, направленная в том числе на повышение уровня рождаемости (за

счет рождения в семьях второго и последующих детей) как важного условия сохранения и развития многонационального народа России, в настоящее время приобретает особую социальную значимость и является приоритетной задачей демографической политики Российской Федерации, а следовательно, предполагает наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации на конкретно-историческом этапе, а также уровню экономического развития и финансовым возможностям государства.

Осуществляя на основе предписаний статей 7 и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации правовое регулирование общественных отношений в этой сфере, являющееся предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункт «ж» части 1, Конституции Российской Федерации), законодатель располагает достаточно широкой свободой усмотрения в выборе конкретных мер защиты семьи, материнства, отцовства и детства, определении условий и порядка их предоставления. Вместе с тем он связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, в том числе ее статьи 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3), допускает существование различий в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, если такие

различия объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им; критерии (признаки), лежащие в основе установления специальных норм, должны определяться исходя из преследуемой при этом цели дифференциации в правовом регулировании. Соответственно, при установлении гарантий государственной поддержки и социальной защиты семьи, материнства, отцовства и детства законодатель вправе использовать дифференцированный подход к определению характера и объема таких гарантий, предоставляемых той или иной категории граждан, с учетом конкретных социально значимых обстоятельств. <...>

Конституция Российской Федерации, гарантируя мужчине и женщине равные права и свободы и равные возможности для их реализации (статья 19, часть 3), предопределяет необходимость коррекции на законодательном уровне условий осуществления ими прав в сфере труда и занятости, с тем чтобы устранить возможное неравенство работников, обусловливаемое наличием в семье малолетних детей, реально существующим распределением семейных обязанностей и достаточно распространенным отношением работодателей к женщинам, имеющим детей (особенно в возрасте до трех лет), как к менее эффективным работникам.

<...> На ликвидацию такого неравенства в социально-трудовой сфере направлены и требования обязательных для Российской Федерации международно-правовых актов. Так, в соответствии с Конвенцией МОТ от 23 июня 1981 года № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» одной из целей политики государства в сфере труда является создание условий, которые позволили бы лицам с семейными обязанностями, выполняющим или желающим выполнять оплачиваемую работу, осуществлять свое право на это, не подвергаясь

дискриминации и, насколько возможно, гармонично сочетая профессиональные и семейные обязанности (пункт 1 статьи 3); для установления подлинного равенства обращения и возможностей для трудящихся мужчин и женщин должны приниматься все меры, соответствующие национальным условиям и возможностям, с тем чтобы трудящиеся с семейными обязанностями могли осуществлять свое право на свободный выбор работы и принимались во внимание их потребности в области условий занятости (статья 4). При этом в переходный период допускается принятие и применение особых мер, направленных на достижение подлинного равенства мужчин и женщин, которые не должны рассматриваться как дискриминационные (подпункт 2 пункта 8 Рекомендации МОТ от 23 июня 1981 года № 165 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями»).

<...> Стабильность трудовых отношений, возможность совмещения работы с выполнением семейных обязанностей помогают женщинам сохранить востребованные на рынке труда навыки и квалификацию, повышают их перспективы с точки зрения профессионального роста, продвижения по службе, что, в свою очередь, обеспечивает им равные с другими работниками возможности реализации права на труд и свободного выбора рода деятельности и профессии. Кроме того, предсказуемость правовых последствий в случае продолжения женщиной трудовой деятельности после рождения ребенка, стимулируя повышение уровня рождаемости, позволяет решать стоящие перед государством задачи демографической политики.

Следовательно, запрет на увольнение матери, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, по инициативе работодателя как одна из мер государственной поддержки работающих женщин, которая предоставляет им более высокий уровень защиты по сравнению с установленным на случай увольнения по тому же основанию для работающих мужчин,

имеющих детей того же возраста и воспитывающих их вместе с матерью, позволяет обеспечить женщине равную с мужчиной возможность реализовать свои права и свободы в сфере труда без ущерба для прав и интересов ребенка и не может рассматриваться как приводящий к дискриминации работающих родителей в зависимости от их пола.

Соответственно, положение части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой оно, устанавливая специальную (дополнительную) гарантию для женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, направлено на обеспечение им равных возможностей для реализации конституционного права на труд, не противоречит Конституции Российской Федерации.

<...> В системе действующего правового регулирования положение части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации следует рассматривать не только как предназначенное для достижения фактического равенства возможностей в сфере труда. Как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 22 ноября 2011 года № 25-П, данная гарантия, предотвращая утрату женщиной, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, а также другими лицами, воспитывающими детей того же возраста без матери, работы и заработка, а соответственно, и снижение общего уровня материального благосостояния семьи, обеспечивает этим лицам (прежде всего матери) возможность, сочетая семейные обязанности с профессиональной деятельностью, создавать ребенку условия, необходимые для его всестороннего развития, а следовательно, имеет целью защиту прав и интересов ребенка.

Такая целевая направленность данного законоположения predetermined экономической и социальной уязвимостью семьи, воспитывающей несовершеннолетних детей, что в силу Конституции Российской Федерации требует от государства создания условий,

обеспечивающих, в том числе путем поддержания материального благополучия семьи, надлежащее выполнение родителями обязанности по содержанию и воспитанию детей. Из необходимости предоставления семье, как естественной и основной ячейке общества, самой широкой охраны и помощи, в особенности пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании, и содействия экономической, правовой и социальной защите семейной жизни в целях обеспечения условий для всестороннего развития семьи исходят и являющиеся составной частью правовой системы Российской Федерации Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года (статья 10) и Европейская социальная хартия от 3 мая 1996 года (статья 16).

Конституция Российской Федерации признает заботу о детях, их воспитание равным правом и обязанностью родителей (статья 38, часть 2). Принцип равенства прав и обязанностей обоих родителей в отношении их детей, получивший свое закрепление и конкретизацию в Семейном кодексе Российской Федерации, корреспондирует положениям Конвенции о правах ребенка, возлагающей на государство обязанность предпринимать все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка (пункт 1 статьи 18).

Из этого следует, что на обоих родителей может распространяться и государственная поддержка, в которой нуждается семья, имеющая ребенка, не достигшего трехлетнего возраста и потому требующего особого ухода, тем более если в такой семье воспитывается несколько малолетних детей. Соответственно, при определении мер государственной поддержки семьи, направленных на обеспечение ее материального благополучия, многодетным семьям, воспитывающим малолетних детей, должна предоставляться повышенная защита, поскольку в таких семьях мать зачастую не может осуществлять трудовую

деятельность в силу необходимости осуществлять уход за детьми и их воспитание и единственным кормильцем является отец.

<...> По буквальному смыслу положения части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации и по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, возникновение права на установленную данной нормой гарантию у работающей женщины обуславливается одним лишь фактом наличия у нее ребенка в возрасте до трех лет, т.е. не зависит ни от ее семейного положения, совместного или раздельного проживания с отцом ребенка, ни от наличия или отсутствия у отца ребенка работы и заработка или иного дохода, ни от того, осуществляет ли мать фактически уход за ребенком и его воспитание. Защищая мать ребенка в возрасте до трех лет от утраты работы и заработка, данное законоположение защищает и семью, в которой ребенок воспитывается совместно отцом и матерью, состоящей в трудовых отношениях, что позволяет им выполнять обязанности по содержанию ребенка (детей) в пределах своих финансовых возможностей.

Что касается отца ребенка в возрасте до трех лет, то в силу части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации запрет на увольнение по инициативе работодателя распространяется на него только в том случае, если он воспитывает ребенка без матери. Соответственно, отец ребенка в возрасте до трех лет может быть уволен по инициативе работодателя, в частности по сокращению численности или штата работников, даже если он является единственным кормильцем в многодетной семье, а мать в связи с необходимостью осуществления ухода за детьми, которым в силу возраста или состояния здоровья требуется постоянная забота, в трудовых отношениях не состоит.

Тем самым данной меры государственной поддержки лишаются семьи, особенно в ней нуждающиеся, при том что социальные гарантии, которые в соответствии с действующим законодательством предусматриваются для граждан, уволенных по основаниям, не

связанным с их виновным поведением, в частности по сокращению численности или штата работников, не могут быть признаны достаточными для защиты многодетной семьи, воспитывающей малолетних детей, в том числе ребенка в возрасте до трех лет, от резкого снижения уровня обеспеченности.<...>

Конституционный Суд РФ признал положение части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 7, 19, 37 (часть 1) и 38 (части 1 и 2), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования оно, запрещая увольнение по инициативе работодателя женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и других лиц, воспитывающих детей указанного возраста без матери, исключает возможность пользоваться этой гарантией отцу, являющемуся единственным кормильцем в многодетной семье, воспитывающей малолетних детей, в том числе ребенка в возрасте до трех лет, где мать в трудовых отношениях не состоит и занимается уходом за детьми.

4. Обеспечение интересов семьи, недопустимость вмешательства в дела семьи

4.1. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина П.О. Вильке, в которой заявитель требует признать положение пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ не соответствующим статьям 19 (часть 1) и 45 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой им внесены изменения в диспозицию части первой статьи 137 УК Российской Федерации. Неконституционность

указанных изменений заявитель связывает с исключением ими слов "если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и причинили вред правам и законным интересам граждан", поскольку, по его мнению, это не позволяет лицу собирать сведения, заботясь о ребенке, его благополучии, нормальном психическом и физическом развитии, а также препятствует этому лицу в защите от уголовного преследования даже при отсутствии вредных (общественно опасных) последствий деяния. Также, как полагает заявитель, исключение признаков преступления, характеризующих мотив его совершения и наступившие последствия, расширило объем запрета, предусмотренного статьей 137 УК Российской Федерации, который стал распространяться на действия, совершенные с целью получения информации о благополучии ребенка и обеспечения его интересов, в том числе путем привлечения лиц, нарушающих права ребенка, к административной ответственности.

Как следует из жалобы и приложенных к ней, а также дополнительно полученных материалов, приговором мирового судьи судебного участка № 15 Первореченского судебного района города Владивостока Приморского края от 24 сентября 2020 года П.О. Вильке признан виновным в совершении незаконного собирания сведений о частной жизни граждан, составляющих их личную или семейную тайну, без их согласия. Согласно приговору П.О. Вильке установил на смартфон своего семилетнего сына программное обеспечение (средство родительского контроля), при помощи которого осуществлял прослушивание и аудиозапись событий, происходивших по месту жительства ребенка, проживающего с матерью и ее родственниками. Аудиозаписи (49 фрагментов продолжительностью до 20 секунд каждый) и их стенограммы П.О. Вильке представил в качестве доказательств в ходе рассмотрения судом гражданского дела о расторжении брака с матерью ребенка, а также в правоохранительные органы с целью привлечения матери ребенка к административной ответственности по части 1 статьи 5.35 КоАП

Российской Федерации (производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с истечением срока давности). Суд в мотивировочной части приговора исключил квалификацию действий заявителя в качестве распространения сведений о частной жизни, вместе с тем установил факт незаконного собирания (и последующего хранения) таких сведений.

Апелляционным постановлением Первореченского районного суда города Владивостока от 25 января 2021 года приговор оставлен без изменения. Кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2021 года названное апелляционное постановление отменено, уголовное дело направлено на новое апелляционное рассмотрение иным составом суда. Первореченским районным судом города Владивостока постановлен оправдательный апелляционный приговор от 13 сентября 2021 года в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Суд указал, что П.О. Вильке установил не запрещенное законом программное средство родительского контроля на телефон малолетнего сына не в целях сбора информации в отношении потерпевших, а для защиты ребенка от предполагаемых противоправных действий его матери.

Оправдательный апелляционный приговор был отменен кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2021 года, и по результатам нового апелляционного рассмотрения вынесено апелляционное постановление Первореченского районного суда города Владивостока от 28 февраля 2022 года, которым обвинительный приговор мирового судьи оставлен без изменения в части квалификации содеянного, при этом осужденный освобожден от отбывания наказания в связи с истечением срока давности.

Кассационным постановлением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2022 года указанные судебные решения оставлены без изменения. Кассационный суд исходил из того, что П.О.

Вильке действовал с прямым умыслом, направленным на незаконное собирание сведений о частной жизни членов другой семьи (включая содержание их разговоров, характер межличностного общения), и отклонил доводы осужденного о том, что он установил соответствующее программное средство родительского контроля, позволяющее осуществлять прослушивание и запись происходящего вокруг ребенка, на мобильный телефон сына с целью защитить его от негативного отношения матери, а также обеспечить безопасность ребенка.

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2022 года отказано в передаче кассационной жалобы П.О. Вильке для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом отклонены доводы кассационной жалобы, в частности о том, что отсутствовал состав преступления, предусмотренного частью первой статьи 137 УК Российской Федерации, поскольку средство родительского контроля было установлено на телефон его сына, и что в приговоре не отражено, какая именно тайна - личная или семейная - была нарушена. Признана правильной уголовно-правовая квалификация деяния с учетом того, что П.О. Вильке, прослушивая телефон сына, собирал сведения о проживающих с ним лицах, членом семьи которых обвиняемый на тот момент не являлся. С указанным судебным решением согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 11 апреля 2023 года).

Конституционный Суд указав, что Конституция Российской Федерации, устанавливая, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (статья 23, часть 1; статья 24, часть 1), не определяет при этом исчерпывающим образом, какой круг сведений о человеке охватывается правом на уважение его частной жизни. Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие

отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускаются без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 года № 15-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1253-О). Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер (постановления от 16 июня 2015 года № 15-П и от 25 мая 2021 года № 22-П; определения от 16 июля 2013 года № 1217-О, от 22 декабря 2015 года № 2906-О и др.).

Норма же о том, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4, Конституции Российской Федерации), применима к информации о частной жизни только с учетом установленных статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации требований и с учетом указания ее статьи 17 (часть 3) о недопустимости нарушения прав других лиц при осуществлении своих прав.

Соответственно, предполагается, что реализация права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом применительно к информации о частной жизни другого лица возможна только в порядке, установленном федеральными законами, которыми в соответствии с требованиями статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации определяются как правомерные способы получения такой информации, так и основания, по которым допускается ограничение прав личности, гарантированных статьями 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции

Российской Федерации и находящихся под особой, повышенной конституционной защитой (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 года № 3-П и от 13 января 2020 года № 1-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 3087-О, от 28 сентября 2021 года №1739-О и др.).

Таким образом, личное право человека, касающееся определения режима доступа к сведениям о его частной жизни, не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты иных конституционно значимых ценностей. При этом осуществляемое законодателем правовое регулирование - исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности при определении условий реализации фундаментальных прав и их возможных ограничений - должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2022 года № 31-П), предупреждая возможные злоупотребления отдельных из них и обеспечивая необходимый и достаточный уровень защиты прав добросовестных участников этих отношений.

4. Согласно Конституции Российской Федерации в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2); материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2); дети являются важнейшим приоритетом государственной политики (статья 67.1, часть 4). В силу данных конституционных требований федеральный законодатель должен устанавливать эффективные механизмы, гарантирующие приоритетную защиту прав и интересов

несовершеннолетних, восстановление нарушенных прав ребенка (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010 года № 13-П и от 22 января 2018 года № 4-П).

Регулируя отношения, относящиеся к сфере семейного права, в том числе связанные с защитой семьи, материнства, отцовства и детства (статья 72, пункты «ж.1», «к» части 1 Конституции Российской Федерации), законодатель установил в Семейном кодексе Российской Федерации права и обязанности родителей. Согласно данному Кодексу родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей; родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (пункт 1 статьи 63); родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (абзац второй пункта 1 статьи 64); родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, а обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей; при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию (абзацы первый и второй пункта 1 статьи 65).

При этом родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (пункт 1 статьи 61 Семейного кодекса Российской Федерации), т.е. в том числе, как отмечено в пункте 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2020 года, независимо от наличия или отсутствия брака родителей, а также их совместного проживания.

4.1. Само существование отношений любого из родителей и ребенка предполагает такую тесную эмоциональную связь между ними, при

которой естественным стремлением родителя является получение информации о том, все ли в порядке в конкретный момент с его ребенком, не находится ли он в опасной или конфликтной ситуации, а также не имеются ли длящиеся во времени обстоятельства, которые негативно воздействуют на его развитие и воспитание, жизнь и здоровье. В силу наличия у родителей прав и одновременно обязанностей защищать права, интересы и безопасность ребенка и вытекающей из них ответственности, а также природы отношений родителя и ребенка любой родитель, не лишенный родительских прав и не ограниченный в них, не должен лишаться возможности обеспечивать необходимые и достаточные меры защиты несовершеннолетнего ребенка, в том числе прибегая к доступным и не запрещенным законом инструментам.

Программные средства (мобильные приложения) родительского контроля, устанавливаемые и на техническое устройство (как правило, смартфон), находящееся в пользовании родителя, и на техническое устройство, находящееся в пользовании ребенка, относятся к тем доступным инструментам, которые рассматриваются как специально созданные для обеспечения безопасности ребенка, ограждения его от неблагоприятного воздействия. Ряд из них, помимо возможности увидеть местоположение ребенка, получить тревожный сигнал при его нахождении в местах, не относящихся к разрешенным ему для посещения, совершить звонок даже при отключенном звуке сигнала телефона и т.п., позволяет также с использованием штатных (обычных) функций современных технических устройств в течение определенных временных интервалов слышать происходящее вокруг этого технического устройства – т.е., как презюмируется, около ребенка, – делать соответствующие аудиозаписи и передавать их на техническое устройство данного родителя. При этом для того, чтобы воспользоваться такими функциями, не требуется придавать этим программным средствам или техническим устройствам, на которых они устанавливаются, дополнительные свойства:

пользователи (родители) всего лишь следуют инструкциям, которые размещают правообладатели и распространители данных программных средств и которые нередко содержат предупреждения о недопустимости их использования в противоправных целях.

Использование таких программных средств действующим правовым регулированием не запрещено и не ограничено. Они свободно распространяются на рынке мобильных приложений (в соответствующих онлайн-магазинах). Поэтому сами по себе приобретение (скачивание), установка на технические устройства и использование таких программных средств для целей осуществления родительского контроля в интересах безопасности ребенка не могут в системе действующего регулирования считаться противоправными, что, однако, не исключает того, что при их противоправном использовании (т.е. использовании не по прямому назначению) они становятся орудиями (средствами) совершения административных правонарушений и преступлений.

Использование родителем такого программного средства в любом случае означает, по существу, собирание информации об отдельных аспектах частной жизни самого ребенка - который отнюдь не всегда проинформирован об этом и дал на это свое осознанное согласие, - как предполагается, по мотивам заботы о ребенке, о его безопасности и для целей воспитания (тем более когда ребенок, как в деле заявителя, достиг лишь семилетнего возраста). Возникающие в этой сфере конфликты между родителем и ребенком, которые могут иметь место по мере осознания ребенком автономности своей личности, при взрослении неизбежно расширяющейся, решаются преимущественно в рамках их межличностных (внеюрисдикционных) отношений.

Что же касается соотношения прав родителя, с которым ребенок постоянно проживает, и возможностей другого родителя по использованию им таких программных средств, то пункт 2 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации - согласно которому все

вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей, а родители (один из них) при наличии разногласий между ними вправе обратиться за разрешением этих разногласий в орган опеки и попечительства или в суд – создает правовую основу для рассмотрения в гражданско-правовом порядке возможных споров, в том числе при несогласии родителя, с которым проживает ребенок, с планируемым или уже имеющим место использованием соответствующего программного средства родителем, который не проживает с ребенком (как и при несогласии последнего с использованием другим родителем такого программного средства в период его общения с ребенком).

<...> 4.2. Использование на техническом устройстве открыто распространяемого программного средства родительского контроля с функциями прослушивания происходящего и осуществления соответствующей аудиозаписи предполагает или, во всяком случае, допускает, что под действие этих функций попадает не только сам ребенок, но и неопределенный круг лиц, а прежде всего - родитель, с которым ребенок постоянно проживает, либо при использовании такого программного средства именно этим родителем – родителем, с которым ребенок общается (у которого находится определенное время), а также другие члены их семей. Сбор информации о ребенке в форме прослушивания и (или) аудиозаписи происходящего вокруг него по своему характеру не может не затрагивать прав и законных интересов лиц, с ним взаимодействующих или находящихся в одном пространстве, при этом фактически носит для них негласный (скрытый) характер. В том числе в ходе восприятия соответствующих звуков (их записи) родителю ребенка объективно может становиться доступной не только информация в отношении самого ребенка, но и информация о частной жизни других лиц, их личной и семейной тайне. В связи с этим использование

программного средства родительского контроля хотя и направлено на защиту интересов ребенка, но объективно (в силу технических особенностей его функционирования) создает и определенную угрозу охраняемым Конституцией Российской Федерации правам и законным интересам других лиц.

В то же время баланс права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, с одной стороны, и родительских прав и обязанностей по обеспечению безопасности и законных интересов ребенка, в том числе с использованием не запрещенных законом информационных технологий, с другой стороны, не может считаться нарушенным в рассматриваемом в настоящем деле аспекте – с учетом особой конституционной ценности детства, воспитания и развития детей в качестве важнейшего приоритета государственной политики России (статья 7, часть 2; статья 38, части 1 и 2; статья 55, часть 3; статья 67.1, часть 4; статья 72, пункт ж.1 части 1 Конституции Российской Федерации), – когда в ходе использования программного средства родительского контроля соответствующему родителю становятся, при отсутствии у него таких намерений, доступными сведения о частной жизни других лиц (в том числе другого родителя ребенка), составляющие их личную или семейную тайну, притом что эти сведения не использованы для причинения им вреда и не допущено их умышленного распространения. То обстоятельство, что в ходе такого использования программного средства в интересах обеспечения безопасности ребенка родителю стали известны сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну, само по себе не свидетельствует о наличии состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 137 УК Российской Федерации, если отсутствует прямой умысел на собирание таких сведений (их целенаправленное добывание).

При этом даже систематическое использование доступного и не

запрещенного законом программного средства родительского контроля, в том числе после возникновения указанных обстоятельств, с учетом естественного родительского стремления убедиться в том, что ребенку в конкретный момент не угрожает опасность, само по себе – если не имеет места целенаправленное добывание таких сведений – не может быть истолковано как свидетельствующее о перерастании такого получения информации в умышленное собирание сведений о частной жизни, влекущее применение части первой статьи 137 УК Российской Федерации. По смыслу же правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не должно влечь для него неблагоприятных правовых последствий, тем более в форме уголовной ответственности (Постановление от 20 декабря 1995 года № 17-П).

Как следует из статей 49, 50, 52, 54 и 64 Конституции Российской Федерации, принципы презумпции невиновности и виновной ответственности, т.е. наличия доказанной вины как необходимого элемента субъективной стороны состава преступления, являются общепризнанными принципами привлечения к уголовной ответственности (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 года № 24-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 25 апреля 2018 года № 17-П и от 24 мая 2021 года № 21-П). Уголовный кодекс Российской Федерации исходит из того, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (часть первая статьи 5), и определяет в качестве основания уголовной ответственности совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом (статья 8), а в качестве преступления – виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное им под угрозой наказания (часть первая статьи 14), а

также устанавливает, что преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (часть вторая статьи 25).

Статья 137 УК Российской Федерации, подлежащая применению в системе действующего правового регулирования, в частности во взаимосвязи с нормами Общей части этого Кодекса, не предполагает наступления ответственности без установления судом на основе оценки фактических обстоятельств конкретного дела – в том числе с учетом распространенности и общедоступности программных средств родительского контроля – прямого умысла, направленного именно на негласное и целенаправленное собирание сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну других лиц.

Тем не менее ни правовой статус родителя несовершеннолетнего ребенка, включая наличие у него прав и обязанностей по отношению к нему, ни отсутствие нормативно установленных прямых запретов и ограничений на применение программных средств родительского контроля не могут быть основанием для выхода за разумные пределы использования такого рода программных средств с учетом их возможности негласного собирания и фиксации информации, которые объективно создают угрозу конституционным правам и свободам других лиц и охраняемым публичным интересам. Соответственно, если будет установлено, что использование программного средства родительского контроля не только ситуативно (пусть и неоднократно) дало или могло дать доступ к информации о частной жизни других лиц, составляющей их личную или семейную тайну, но и преследовало цель собирания именно такой информации, что подтверждено надлежащими доказательствами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, то имеются в отсутствие исключających привлечение к уголовной ответственности

обстоятельств основания для применения части первой статьи 137 УК Российской Федерации.

5. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что конституционным признанием ценностей семьи, материнства, отцовства, детства определяются, в частности, характер и содержание правового регулирования в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних. Государство должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, с тем чтобы обеспечить безопасность каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях (постановления от 18 июля 2013 года № 19-П и от 23 сентября 2014 года № 24-П; Определение от 26 марта 2020 года № 550-О).

Родитель может предполагать риски для безопасности ребенка не только в конкретных и быстро проходящих событиях, для реагирования на которые в основном и предназначены программные средства родительского контроля, но и в целом в той обстановке, в которой ребенок, в силу возраста не способный самостоятельно защитить свои интересы, проживает и воспитывается (точно так же, как и родитель, с которым этот ребенок постоянно проживает, может испытывать аналогичные опасения при общении ребенка с другим родителем). Неблагоприятное воздействие на ребенка - особенно если оно осуществляется в домашних условиях - отличается высокой степенью латентности, с одной стороны, и высокой степенью опасности отдаленных последствий, обусловленных влиянием как на физическую неприкосновенность ребенка, так и на его формирующуюся психику, в том числе если имеет место длительное (систематическое) невыполнение

одним из родителей обязанностей по воспитанию ребенка или использование недопустимых методов такого воспитания, с другой стороны.

При таких обстоятельствах родитель в ситуации, которую он субъективно оценивает как представляющую реальную угрозу для интересов его ребенка, достаточно ограничен в выборе способов установления и подтверждения ненадлежащего характера поведения по отношению к ребенку других лиц для последующего принятия своевременных и необходимых мер. Так, например, обращение в правоохранительные органы будет иметь эффект скорее в том случае, когда речь идет о посягательстве на физическую неприкосновенность ребенка, причем содержащем признаки преступления. В случае же, когда возможная угроза связана с психическим насилием (воздействием на психику ребенка) - тем более когда такое воздействие имеет скрытую или завуалированную форму, а его негативные проявления могут иметь отложенный характер, - для эффективного обращения в орган опеки и попечительства или в суд, предусмотренного для таких случаев Семейным кодексом Российской Федерации (статья 56 и пункт 2 статьи 65), при определенных обстоятельствах может требоваться подтверждение конкретными данными опасений относительно обеспечения надлежащей заботы о ребенке, его физической и психологической безопасности и условий, в которых он живет и воспитывается.

При этом, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в системе действующего правового регулирования само по себе обращение в государственный орган (орган местного самоуправления), а тем более в суд - даже с учетом возможного риска причинения вреда правам и свободам лиц, с которыми связана содержащаяся в обращении информация, - будучи конституционно необходимым средством защиты частных и публичных интересов,

обусловленным целью получения содействия в реализации прав и свобод обратившегося гражданина или прав и свобод других лиц, не может рассматриваться как неправомерное распространение (разглашение) информации (определения от 5 декабря 2019 года № 3272-О и от 26 марта 2020 года № 540-О).

Соответственно, предполагаемая неэффективность иных действий в интересах несовершеннолетнего ребенка в ситуации, которую родитель может субъективно оценивать как представляющую существенные риски для его безопасности вследствие определенного поведения в отношении него лиц, с которыми проживает (общается) ребенок, способна создать предпосылки для собирания таким родителем сведений о возможных угрозах для него, в том числе исходящих от конкретных лиц, с использованием программного средства родительского контроля. Объективно это не может не затрагивать прав и законных интересов этих лиц, поскольку собранные сведения о взаимоотношении их с ребенком практически неотделимы - как в техническом, так и в содержательном плане - от сведений об их частной жизни, в том числе составляющих их личную и семейную тайну. Поэтому собирание таких сведений может формально образовывать признаки состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 137 УК Российской Федерации.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Поскольку уголовное законодательство является по своей природе

крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П, от 13 ноября 2023 года № 52-П и др.).

Уголовный закон предусматривает, в частности, специальные обстоятельства, которые исключают уголовную противоправность деяний. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, регламентация в главе 8 УК Российской Федерации обстоятельств, исключающих преступность деяния, призвана не допустить уголовной ответственности за правомерные действия. Наличие признаков такого поведения не предполагает его оценку как общественно опасного и образующего состав преступления даже в случае причинения вреда правам других лиц, иным охраняемым законом интересам, если при этом не допущено причинения излишнего вреда или иного нарушения законодательно определенных условий правомерности (Определение от 28 сентября 2021 года № 2058-О).

Однако ни одно из перечисленных в уголовном законе обстоятельств не предназначено для исключения наступления уголовной ответственности в рассматриваемой ситуации. В частности, практически невозможно применение наиболее универсального из них института крайней необходимости, в отношении которого Президиум Верховного Суда Российской Федерации допускает, что ситуации, связанные с причинением вреда в состоянии крайней необходимости, могут возникать в рамках общественных отношений, обеспечивающих различные

конституционные права и свободы человека и гражданина (раздел 4 Обзора практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, утвержденного 22 мая 2019 года). Согласно статье 39 УК Российской Федерации не признается преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и не было допущено превышения пределов крайней необходимости, каковым признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Установление же соотношения реального вреда, причиняемого праву на неприкосновенность частной жизни, с предотвращаемым вредом правам и законным интересам ребенка - который нередко носит отложенный и трудно прогнозируемый характер - в большинстве случаев практически невозможно.

Кроме того, субъективная оценка родителем ситуации, повлекшей соби́рание сведений с использованием соответствующего программного средства, как несущей в себе угрозы для ребенка может не соответствовать действительности, в том числе быть спровоцирована обостренным чувством родительской заботы. Однако, если данная ситуация рассматривается родителем как представляющая угрозу для физической неприкосновенности ребенка или его формирующейся психики с достаточной степенью обоснованности (не исключая и указанного добросовестного заблуждения), это не может не учитываться при уголовно-правовой оценке соответствующего деяния. Иное не согласовывалось бы с целями конституционно-правового закрепления

приоритетности детей в государственной политике России (статья 38, части 1 и 2; статья 67.1, часть 4, Конституции Российской Федерации), а также с критериями соразмерности ограничения прав (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

6. Таким образом, часть первая статьи 137 УК Российской Федерации, изложенная в редакции пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу она в системе действующего правового регулирования не предполагает привлечения родителя несовершеннолетнего ребенка к уголовной ответственности за использование программного средства (мобильного приложения) родительского контроля, позволяющего в течение определенных временных интервалов слышать происходящее в непосредственной близости от ребенка, получать соответствующие аудиозаписи и хранить их на техническом устройстве данного родителя, в результате чего ему становятся доступными сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну, если такое программное средство и полученные с его помощью сведения используются им исключительно в целях реализации прав и обязанностей родителя по обеспечению безопасности несовершеннолетнего ребенка.

Защита же прав лиц, сведения о частной жизни которых, составляющие их личную или семейную тайну, стали доступными родителю ребенка посредством использования программного средства родительского контроля, может гарантироваться путем ограничения распространения полученной (собранной) информации, в том числе и через механизмы ответственности именно за незаконное распространение полученных сведений, предусмотренной частью первой статьи 137 УК Российской Федерации. При этом, однако, с учетом изложенных в настоящем Постановлении правовых позиций незаконным распространением таких сведений не может быть признано их

предоставление для защиты интересов ребенка в суд или иной государственный или муниципальный орган в рамках реализации родительских прав.

Содержащиеся в настоящем Постановлении правовые позиции не исключают решения законодателем вопроса о допустимости и пределах использования программных средств родительского контроля, при помощи которых пользователю могут стать доступными сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну. Также они не могут быть использованы в рамках рассмотрения гражданско-правовых споров для обязания одного родителя удалить (не удалять) программные средства родительского контроля, а также для решения вопроса о наличии оснований для привлечения к гражданско-правовой ответственности в связи с их использованием, поскольку такого рода отношения не являлись непосредственным предметом рассмотрения в данном Постановлении. Равным образом сами по себе они не могут рассматриваться и как дающие основания для освобождения от уголовной ответственности, если в обозначенных целях и при описанных условиях родителем несовершеннолетнего ребенка для собирания сведений незаконно использовались ограниченные в обороте специальные технические средства и программы, предназначенные для негласного получения информации.

Судебные решения, вынесенные по делу П.О. Вильке на основании части первой статьи 137 УК Российской Федерации, изложенной в редакции пункта 61 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года N 162-ФЗ, подлежат пересмотру в установленном порядке. В силу пункта 5 части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пересмотру также подлежат решения по делам иных лиц, привлеченных к уголовной ответственности по части первой статьи 137 УК Российской Федерации в указанной редакции в связи с использованием ими как родителями

несовершеннолетних детей программных средств родительского контроля, при помощи которых им стали доступны сведения о частной жизни других лиц, составляющие их личную или семейную тайну.

4.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2022 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 12 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Сербия М.М. Джурджевича»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Республики Сербия М.М. Джурджевича, в которой заявитель оспаривает конституционность подпункта 12 части первой статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», в той мере, в какой на его основании в системе действующего правового регулирования уполномоченным органом разрешается вопрос о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации в связи с нарушением установленного срока пребывания иностранному гражданину, в отношении которого суд в связи с тем же нарушением вынес постановление по делу об административном правонарушении, однако счел невозможным назначение административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, являющегося обязательным за данное административное правонарушение, в связи с его семейным положением. С запретом на въезд в Россию заявитель не согласился, полагая, что данное ограничение представляет собой вмешательство в его семейную жизнь, т.к. он состоит в браке с гражданкой РФ, постоянно проживающей на территории Российской Федерации, имеет устойчивые семейные связи, является единственным кормильцем в семье.

Рассмотрев жалобу гражданина Республики Сербия М.М. Джурджевича Конституционный Суд Российской Федерации признал

подпункт 12 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что при наличии вступившего в законную силу постановления суда по делу об административном правонарушении, в котором сделан вывод о невозможности применения к иностранному гражданину административного выдворения за пределы Российской Федерации в связи с обстоятельствами его семейной жизни, притом что назначение такого наказания за соответствующее административное правонарушение является обязательным в силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, при обжаловании решения уполномоченного органа о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, вынесенного в отношении того же иностранного гражданина в связи с тем же нарушением миграционного законодательства, суд должен оценить возможность применения запрета на въезд в Российскую Федерацию с учетом негативных последствий этого запрета для обеспечения права на уважение семейной жизни иностранного гражданина, ранее установленных судом, вне зависимости от формального соответствия решения уполномоченного органа требованиям закона.

4.3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2020 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина И.В. Николаенко, обратившегося в Конституционный Суд РФ в своих интересах и в интересах несовершеннолетней дочери.

По мнению заявителя, часть первая статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» противоречит статьям 6 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, приданному ей судами в конкретном деле, для решения вопроса о возможности выезда несовершеннолетнего лица за пределы Российской Федерации – в том числе в сопровождении того из родителей, с которым согласно судебному решению проживает это лицо и который ранее заявил о несогласии на такой выезд, – она требует принятия судебного акта, где подлежат указанию конкретное государство назначения и определенный период поездки.

<...> п. 2. Конституция Российской Федерации, устанавливая, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, одновременно провозглашает заботу о детях, их воспитание равным правом и обязанностью родителей (статья 38, части 1 и 2). Гарантируя право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, она гласит, что каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации (статья 27), и, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 5 декабря 2017 года № 36-П, ее положения не препятствуют выбору страны и целей выезда, времени пребывания за границей. Ограничения названных прав возможны лишь на основании федерального закона и только в той мере, в какой это требуется для защиты иных конституционно значимых ценностей, а осуществление одним родителем родительских прав, в том числе связанных с выездом ребенка за пределы Российской Федерации, не должно приводить к нарушению прав другого родителя, а также прав самого ребенка - в противном случае защита их интересов может быть обеспечена в том числе посредством их обращения в суд (статья 17, часть 3; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

<...> п. 2.1. Семейный кодекс Российской Федерации, развивая конституционные установления и исходя из того, что в основе регулирования семейных отношений лежат такие принципы, как недопустимость произвольного вмешательства в дела семьи, беспрепятственное осуществление членами семьи своих прав, возможность судебной защиты этих прав, а равно разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (пункты 1 и 3 статьи 1), устанавливает взаимные права и обязанности родителей и их детей. Так, в случае раздельного проживания родителей, в том числе в разных государствах, ребенок имеет право на общение с каждым из них (абзац второй пункта 1 статьи 55). Родитель, проживающий отдельно от ребенка, вправе общаться с ним, участвовать в его воспитании и решении вопросов получения им образования, а родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать его общению с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (пункт 1 статьи 66). По общему правилу, все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей, а при наличии разногласий родители либо один из них вправе обратиться за разрешением таковых в орган опеки и попечительства или в суд (пункт 2 статьи 65). При этом ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, причем учет мнения ребенка, достигшего десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам (статья 57).

В непосредственной связи с этим находятся и положения Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и

въезда в Российскую Федерацию», по смыслу которого, если несовершеннолетний гражданин Российской Федерации намерен выехать за ее пределы без сопровождения родителей или иных законных представителей, он должен иметь при себе кроме паспорта нотариально оформленное согласие названных лиц на выезд с указанием срока выезда и государства (государств), которое (которые) он намерен посетить (часть первая статьи 20), но если он намерен выехать за границу в сопровождении одного из родителей, достаточным условием для этого служит отсутствие выраженного ранее в установленном порядке несогласия на такой выезд (часть первая статьи 21). Тем самым данные нормы опираются на обоснованное предположение – в отсутствие документально подтвержденных свидетельств обратного – о согласии одного родителя на выезд его ребенка за пределы Российской Федерации в сопровождении второго родителя или же самостоятельно при наличии оформленного в установленном порядке согласия родителя.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 27 января 2011 года № 109-О-О и от 26 марта 2019 года № 843-О, подобное регулирование, при котором достаточно возражения одного из родителей, чтобы выезд несовершеннолетнего был запрещен до судебного разрешения спора, представляет собой гарантию защиты прав граждан, как родителей, так и их детей, и само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы. Соответственно, суд наделяется компетенцией по проверке необходимости наложенных ограничений на выезд несовершеннолетнего из страны с учетом обстоятельств конкретного случая, исходя при этом из того, что действия родителя по ограничению прав ребенка должны быть объективно связаны с потребностями защиты других его прав и законных интересов и тем более не могут иметь скрытого характера для ребенка и проживающего с ним родителя.

<...> п. 2.2. Приведенное регулирование в полной мере согласуется с

международно-правовыми обязательствами Российской Федерации, составляющими неотъемлемую часть ее правовой системы (статья 15, часть 4 Конституции Российской Федерации), в частности с Конвенцией о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), в силу которой государства-участники принимают все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка, чьи наилучшие интересы - предмет их основной заботы (пункт 1 статьи 18). Ребенок, чьи родители проживают в разных государствах, вправе поддерживать на регулярной основе, за исключением особых обстоятельств, личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, и с этой целью государства-участники уважают право ребенка и его родителей покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну, а в отношении права покидать любую страну действуют только такие ограничения, которые установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), здоровья, нравственности, прав и свобод других лиц и совместимы с признанными в данной Конвенции другими правами (пункт 2 статьи 10). Кроме того, ребенку предоставляется возможность быть заслушанным непосредственно либо через представителя или соответствующий орган в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, в порядке, предусмотренном национальным законодательством (пункт 2 статьи 12).

Эти договорные нормы получили развитие в Вашингтонской декларации о международном переселении семьи 2010 года и принятой Комитетом Министров Совета Европы в ее русле Рекомендации CM/Rec(2015)4 относительно предотвращения и разрешения споров о переселении детей. В них подчеркивается ключевая роль наилучших интересов ребенка при рассмотрении соответствующих вопросов.

<...> По смыслу действующего регулирования и принимая во внимание презумпцию добросовестности и разумности участников правоотношений (пункт 5 статьи 10 ГК Российской Федерации), процедура заявления несогласия на выезд ребенка за пределы Российской Федерации, поданного одним из родителей, предполагает, по сути, учет его волеизъявления, выраженного в установленной форме, и не наделяет органы исполнительной власти полномочием оценивать обоснованность (целесообразность) такого заявления. При этом несогласие родителя на выезд его ребенка из Российской Федерации не конкретизируется – т.е. не требует указания на конкретные страну или период поездки – и действует, по общему правилу, до достижения ребенком совершеннолетия.

Подобный упрощенный порядок позволяет своевременно и эффективно реализовать принадлежащее родителю несовершеннолетнего право воспрепятствовать его перемещению через государственную границу (в том числе незаконному, т.е. сопряженному с нарушением прав, которыми наделен родитель в соответствии с российским законодательством и которые осуществлялись бы, если бы не произошло это перемещение, - статья 3 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года), имея в виду, что российское законодательство, в отличие от законодательства иных стран (включая и возможное государство назначения), не устанавливает обязанность уведомлять другого родителя о планируемой поездке с ребенком за рубеж и тем более получать судебную санкцию на такую поездку. Дополнительно к этому означенный порядок снижает риск избыточного усмотрения со стороны органов исполнительной власти и их должностных лиц.

3.1. Напротив, когда судом по иску одного из родителей принято решение о возможности выезда несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации вопреки ранее установленному запрету, подлежат учету территориальными органами МВД России и направлению в

пограничные органы ФСБ России в том числе сведения из резолютивной части этого решения, включая периоды (сроки) выездов, государство (государства), выезд в которое (которые) разрешен, сопровождающее (сопровождающие) лицо (лица) (пункты 14 и 16 Порядка подачи, рассмотрения и ведения учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации и приложение № 2 к нему).

Судебная практика в этом аспекте единообразна: в ходе рассмотрения спора суду надлежит оценить установленный ранее в административной процедуре неконкретизированный запрет на выезд с учетом целей поездки и исходя из интересов самого несовершеннолетнего, что предполагает исследование судом возможности конкретных поездок определенной продолжительности и в определенные государства в предполагаемые сроки, - в противном случае выразивший запрет родитель оказался бы лишен права участвовать в воспитании ребенка и возможности изложить свое мнение о целесообразности выезда ребенка за границу (определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2014 года № 57-КГ14-7, от 20 октября 2015 года № 75-КГ15-6, от 9 августа 2016 года № 5-КГ16-89, от 29 августа 2017 года № 18-КГ17-112, от 13 марта 2018 года № 18-КГ17-289 и др.). Согласуется такой индивидуализированный подход и с толкованием, данным оспариваемой норме Конституционным Судом Российской Федерации в упомянутом Определении от 26 марта 2019 года № 843-О.

<...> существующая модель правового регулирования когда временный запрет на выезд несовершеннолетнего за границу устанавливается в административном порядке общим образом, а разрешение на выезд в судебном порядке принимается ad hoc (ситуативно) – является хотя и не единственно возможной или предпочтительной, но конституционно допустимой, поскольку позволяет обеспечить реальное,

а не иллюзорное участие обоих родителей в жизни своего ребенка (статья 38, часть 2 Конституции Российской Федерации).

<...> в системе действующего правового регулирования и с учетом преобладающей судебной практики указанный судебный порядок снятия временного запрета на выезд несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации применяется в равной мере и к тому из родителей, который ранее в административной процедуре заявил о своем несогласии на такой выезд.

Так, по смыслу Порядка подачи, рассмотрения и ведения учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации, если имеется ранее поданное любым из родителей заявление о несогласии на выезд несовершеннолетнего за границу, то аналогичное заявление, поданное вторым родителем, учету не подлежит, о чем ему и сообщается территориальным органом МВД России (подпункты 6.3 и 13.2, приложение № 1). Иными словами, запрет, инициированный одним из родителей, - независимо от отношения к этому обстоятельству второго родителя - применяется к ним обоим.

Разрешая дела данной категории, суды указывают, что сама по себе подача одним из родителей в уполномоченный орган заявления об ограничении выезда ребенка за пределы страны свидетельствует о наличии между родителями спора о возможности такого выезда, который подлежит разрешению исключительно судом, обязанным исследовать возможность конкретных поездок определенной продолжительности и в определенные государства в предполагаемые сроки (апелляционные определения Свердловского областного суда от 27 мая 2016 года по делу № 33-8837/2016, Московского городского суда от 14 декабря 2018 года по делу № 33-47959/2018, Приморского краевого суда от 2 июля 2019 года по делу № 33-6832/2019 и др.). Это, кроме прочего, может играть важную профилактическую роль, вынуждая родителя, намеренного ограничить

возможность выезда ребенка за границу со вторым родителем, избегать злоупотребления своим правом, реализуя его лишь в случае крайней необходимости.

Следовательно, распространение описанного судебного порядка на того из родителей, который ранее в установленной форме выразил несогласие на выезд ребенка за границу (против чего и возражает И.В. Николаенко в своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации), призвано уравнивать с ним в правах второго родителя, в отношении которого указанный временный запрет действует без каких-либо изъятий, и тем самым направлено на обеспечение принципов недопустимости злоупотребления правом и формального равенства (статья 17, часть 3; статья 19, часть 1 Конституции Российской Федерации).

4. Вместе с тем при рассмотрении настоящего дела Конституционный Суд Российской Федерации не может обойти вниманием следующее.

Согласно пункту 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей, а при отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. В последнем случае суд принимает к сведению возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения его требований), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей

(пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»).

На практике, проживая постоянно с одним из родителей, именно при его посредстве несовершеннолетний реализует свои основные права и обязанности, в том числе в установленных случаях участвует в гражданском обороте и вступает в трудовые отношения, пользуется занимаемым им на законных основаниях жилым помещением, получает доступ к образовательным и медицинским услугам, совершает действия, направленные на пересечение государственной границы, и т.д. Из чего следует, что этот родитель (тем более если второй родитель проживает в ином государстве и повседневное его участие в воспитании и развитии ребенка даже при современном уровне транспортного сообщения и средств связи затруднительно), как правило, находится в лучшем положении, чтобы определить, отвечает ли текущим потребностям ребенка выезд его за пределы Российской Федерации.

<...> п. 4.1. Рассматривая спор между родителями относительно возможности выезда их ребенка за пределы Российской Федерации, суд должен учесть все значимые обстоятельства дела с тем, чтобы временный запрет на выезд не приобретал *de facto* постоянного характера и чтобы он в полной мере отвечал вытекающему из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации требованию необходимости и соразмерности ограничения основных прав и свобод, которое обращено не только к законодателю, но и к правоприменителям, в том числе судам (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 34-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.). В ходе соответствующего судебного разбирательства может быть заслушан сам несовершеннолетний, причем учет мнения ребенка, достигшего десяти лет, обязателен, за исключением

лишь тех случаев, когда это противоречит его интересам (пункт 2 статьи 12 Конвенции о правах ребенка и статья 57 Семейного кодекса Российской Федерации), а также может быть заслушан представитель органа опеки и попечительства.

Следовательно, суд не может быть лишен возможности - когда на отмене наложенного в административной процедуре неконкретизированного запрета на выезд настаивает тот из родителей, с которым на законных основаниях постоянно проживает несовершеннолетний и который представил доказательства того, что сохранение в силе этого запрета в полном объеме не отвечает больше интересам самого ребенка, - снять этот запрет не только в отношении отдельной поездки (в конкретное государство и в определенный период), но и более широким образом (вплоть до полной его отмены). В противном случае несоразмерно ограничивается в возможности передвижения и тот из родителей, с которым проживает ребенок, особенно если потребность в выезде возникает у него самого в связи с лечением, выполнением трудовых (служебных) обязанностей, предпринимательской деятельностью, с прочими обстоятельствами, вынуждающими безотлагательно посетить другую страну, поскольку в этом случае он ставится перед выбором: реализовать конституционное право (являющееся одновременно и его обязанностью) заботиться о ребенке или же иные принадлежащие ему основополагающие права и свободы.

Упомянутый ограничительный подход, нашедший отражение также в положениях Порядка подачи, рассмотрения и ведения учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации о сведениях, которые должны содержаться в резолютивной части решения суда (подпункт 16.3 и приложение № 2), означает, по сути, и не основанное на законе сужение полномочий органа судебной власти, что противоречит принципу независимости судей и подчинения их только Конституции

Российской Федерации и федеральному закону, закрепленному в ее статье 120 (часть 1).

В подобных случаях невозможность отменить в интересах самого ребенка запрет на выезд несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации с одним из родителей, по существу, препятствовала бы полноценному исполнению принятого судом решения, согласно которому несовершеннолетний проживает с этим родителем.

Напротив, в данных делах судам рекомендуется учитывать, среди прочего, следующие факторы: право ребенка, разлученного с одним из родителей, на поддержание личных отношений и прямых контактов с обоими родителями на регулярной основе сообразно развитию ребенка; предшествующие решения об опеке над ребенком и о доступе к нему; воздействие, которое окажет разрешение или отказ в таковом на ребенка в контексте его семьи в широком смысле, образования и социальной жизни, а равно на стороны спора; реалистичность предложений сторон о контактах после переселения с особым учетом издержек для семьи и бремени для ребенка; иные факторы, рассматриваемые судом в качестве относимых (пункт 4 Вашингтонской декларации о международном переселении семьи). При урегулировании споров о смене места жительства ребенка компетентный орган власти должен удостовериться в том, что все соответствующие факты были рассмотрены, взвешивая все за и против каждого факта, как того требуют обстоятельства в каждом конкретном случае; судебное следствие уделяет основное внимание наилучшим интересам ребенка; решение компетентного органа власти должно быть принято без каких-либо презумпций за или против смены постоянного места жительства ребенка (пункты 8 и 9 Рекомендации CM/Rec(2015)4 Комитета Министров Совета Европы).

<...> часть первая статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», как ограничивающая – в понимании этой нормы правоприменительной

практикой – полномочие суда разрешить выезд несовершеннолетнего лица за пределы Российской Федерации в сопровождении того родителя, с которым на законных основаниях постоянно проживает это лицо, указанием на конкретное государство назначения и на конкретный период поездки, не соответствует статьям 27 (часть 2) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 55 (часть 3), а также ее статье 120 (часть 1).

4.4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной»

Поводом к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации явилась жалоба граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной, в которой оспаривалась конституционность взаимосвязанных положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляющие тайну усыновления ребенка, и положения статьи 47 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», предусматривающими, что тайна усыновления охраняется законом (п.1); работники органов записи актов гражданского состояния не вправе без согласия усыновителей (усыновителя) сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания которых видно, что усыновители (усыновитель) не являются родителями (одним из родителей) усыновленного ребенка (п.2).

Конституционность названных законоположений оспаривается в жалобе граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной, которым решением

Хамовнического районного суда города Москвы от 10 августа 2010 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20 ноября 2011 года, было отказано в удовлетворении требования об обязанности Хамовнического отдела ЗАГС Управления ЗАГС города Москвы предоставить доступ к архивным документам, касающимся факта усыновления и регистрации рождения гражданина Г.И. Грубича – соответственно супруга и отца заявительниц, который, как им стало известно после его смерти, был в малолетнем возрасте усыновлен по прибытии в СССР из Испании. При этом суды со ссылкой на оспариваемые законоположения исходили из того, что тайна усыновления не подлежит разглашению и охраняется законом. <...>

Нарушение положениями статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» своих конституционных прав заявительницы усматривают в том, что, допуская получение сведений об усыновлении только при условии согласия на это усыновителей и не предусматривая возможности получения таких сведений наследниками усыновленного в случае, когда сам факт усыновления стал им известен после его смерти и смерти усыновителей, эти положения устанавливают бессрочный запрет на разглашение тайны усыновления ребенка и тем самым противоречат статье 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право на свободный поиск и получение информации, а также ее статьям 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 24 (часть 2) и 55 (часть 3). <...>

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по делу являются положения статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах

гражданского состояния» в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о возможности получения потомками усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей.

<...> Исходя из того что семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства, Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 38 (части 1 и 2), что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей.

<...> Конституция Российской Федерации, гарантируя право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4), закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1) и не допускает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1). Из этого следует, что не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации, сопряженные с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну. <...>

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать

информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера (определения от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и др.). Этими гарантиями охватывается, в частности, институт семьи. <...>

В обосновании своей позиции Конституционный Суд РФ привел нормы международных актов:

<...> Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), признавая, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания, обязывает подписавшие Конвенцию государства обеспечивать детям необходимые для их благополучия защиту и заботу, принимать все надлежащие законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в Конвенции, признавать право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (преамбула, пункт 2 статьи 3, статья 4 и пункт 1 статьи 27).

Согласно принятым Генеральной Ассамблеей ООН Декларации прав ребенка (Резолюция 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года) и Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (Резолюция 41/95 от 3 декабря 1986 года), ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, а наилучшее обеспечение интересов ребенка и его потребность в любви и право на обеспеченность и постоянную заботу должны являться

главным соображением при рассмотрении всех вопросов, связанных с передачей ребенка для заботы о нем не его собственными родителями.

В п. 3 мотивировочной части решения Конституционный Суд РФ указал, что в соответствии с пунктом 1 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации тайна усыновления охраняется законом; судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка. Охрана законом тайны усыновления предусмотрена и пунктом 1 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Доступ к сведениям об усыновлении ограничен также Федеральным законом от 27 июля 2006 года №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (пункт 7 статьи 3 и часть 8 статьи 9), Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 года № 188 (пункт 1 утвержденного данным Указом Перечня сведений конфиденциального характера), а также Федеральным законом от 22 октября 2004 года № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», согласно положениям которого доступ к архивным документам, несмотря на закрепленное частью 1 его статьи 24 право пользователя архивными документами свободно искать и получать такие документы для изучения, может быть ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации, при этом доступ к архивным документам независимо от их форм собственности ограничивается, если они содержат сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну; в частности, ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне

гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов (статья 25).<...>

Кроме того, законодатель в различных отраслях права – семейном, гражданском, гражданском процессуальном, трудовом, праве социального обеспечения, уголовном праве и др. – предусмотрел меры, направленные на обеспечение тайны усыновления. В частности, для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя усыновленному ребенку присваиваются фамилия усыновителя, а также указанное им имя; отчество усыновленного ребенка определяется по имени усыновителя, если усыновитель мужчина, а при усыновлении ребенка женщиной - по имени лица, указанного ею в качестве отца усыновленного ребенка; если фамилии супругов-усыновителей различные, по соглашению супругов-усыновителей усыновленному ребенку присваивается фамилия одного из них; при усыновлении ребенка лицом, не состоящим в браке, по его просьбе фамилия, имя и отчество матери (отца) усыновленного ребенка записываются в книге записей рождений по указанию этого лица (усыновителя); по просьбе усыновителя также могут быть изменены дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца, а также место его рождения (пункты 2 и 3 статьи 134, пункт 1 статьи 135 Семейного кодекса Российской Федерации).

Сохранению тайны усыновления способствует также предоставление женщинам, усыновившим ребенка, в соответствии со статьей 257 Трудового кодекса Российской Федерации вместо отпуска в связи с усыновлением - отпуска по беременности и родам на период со дня усыновления и до истечения 70 календарных дней, а при одновременном усыновлении двоих и более детей – 110 календарных дней со дня их рождения. Порядок предоставления указанных отпусков устанавливается Правительством Российской Федерации (постановление Правительства Российской Федерации от 11.01.2007 № 10).

Федерации от 11 октября 2001 года № 719 «Об утверждении Порядка предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка»).

Меры, обеспечивающие тайну усыновления, закреплены и в нормах гражданского процессуального законодательства. Согласно статье 273 ГПК Российской Федерации заявление об усыновлении рассматривается в закрытом судебном заседании. В целях сохранения данной тайны, как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей», участвующие в рассмотрении дела лица должны быть предупреждены о необходимости сохранения в тайне ставших им известными сведений об усыновлении (пункт 6).

<...> Таким образом, правовой режим тайны усыновления, установленный действующим правовым регулированием, направлен на создание полноценных семейных, подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, обеспечение стабильности усыновления, защиту прав и интересов всех членов семьи, важная роль которой в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная ею конституционная ценность института семьи требуют со стороны государства уважения и защиты отношений, которые возникают посредством установления усыновления, а потому закрепляющие этот режим положения пункта 1 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» не могут рассматриваться как противоречащие Конституции Российской Федерации.

<...> тайна усыновления не является обязательным условием любого усыновления. Хотя чаще всего усыновители, принимая ребенка в семью, стремятся к тому, чтобы никто, в первую очередь сам усыновленный, не знал, что они не являются его настоящими родителями, и стремятся факт усыновления оставить в тайне, в ряде случаев – исходя из представления о

том, что каждый вправе знать правду о своем происхождении, о кровных родителях, об имени, полученном при рождении, и т.д., – они могут посчитать целесообразным не скрывать от ребенка, что он усыновлен. К тому же, если ребенок помнит своих кровных родителей, усыновление вообще не составляет для него тайну. Между тем это не означает, что данный факт может быть доведен до сведения других лиц без согласия усыновителей.

Если же к моменту усыновления ребенок в силу возраста или по другим причинам не мог знать о факте усыновления, дальнейшее сохранение тайны усыновления законодатель связывает исключительно с волей усыновителей, о чем специально упоминается в пункте 2 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и пункте 2 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Соответственно, работники органов записи актов гражданского состояния не вправе без согласия усыновителей (усыновителя) сообщать какие-либо сведения об усыновлении и выдавать документы, из содержания которых явствует, что усыновители (усыновитель) не являются родителями (одним из родителей) усыновленного ребенка; судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, разгласившие тайну усыновления ребенка против воли его усыновителей, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

В частности, разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений, наказывается штрафом в размере до

восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (статья 155 УК Российской Федерации).

Кроме того, на лиц, виновно разгласивших тайну усыновления вопреки воле усыновителей, суд может возложить обязанность денежной компенсации причиненного морального вреда на основании статьи 151 ГК Российской Федерации, предусматривающей такую компенсацию в случае причинения гражданину морального вреда (физических или нравственных страданий) действиями, посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага (к которым относится и тайна усыновления).

Таким образом, законодатель – исходя из того, что раскрытие тайны усыновления может причинить моральные (нравственные) страдания ребенку, сказаться на его психическом состоянии, воспрепятствовать созданию нормальной семейной обстановки и затруднить процесс воспитания ребенка, – связывает возможность раскрытия сведений об усыновлении ребенка исключительно с волеизъявлением его усыновителей; вмешательство во внутрисемейные отношения со стороны иных лиц в ситуации, когда ребенок может получить интересующие его сведения о своем происхождении непосредственно от своих усыновителей, не отвечает интересам ни усыновленного, ни тем более усыновителей.

Положения статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»,

являющиеся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу, как препятствующие получению сведений об усыновлении без согласия усыновителей на раскрытие тайны усыновления, применяются на практике не только для обеспечения и защиты соответствующих прав взрослого и ребенка (усыновителя и усыновленного), но и при разрешении вопроса о возможности реализации взрослыми детьми усыновленного права узнать о его происхождении после его смерти и смерти лиц, усыновивших его (бабушки и дедушки), т.е. о своем этническом происхождении, своих предках, и, соответственно, истолковываются судами как не предполагающие раскрытия тайны усыновления без согласия усыновителей, которое в случае смерти последних не может быть получено (такая ситуация имела место в деле заявительниц, что подтверждается представленными ими документами).

Между тем, как следует из сохраняющих свою силу правовых позиций Конституционного Суда РФ, Конституция Российской Федерации исходя из потребностей защиты частных и публичных интересов предусматривает разные уровни гарантий права на информацию и разную степень его возможных ограничений. При этом данное право согласно статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации может быть ограничено исключительно федеральным законом, а законодатель обязан гарантировать соразмерность такого ограничения конституционно признаваемым целям его введения (Постановление от 18 февраля 2000 года № 3-П; определения от 18 января 2005 года № 39-О, от 23 июня 2005 года № 300-О и от 17 июня 2008 года № 434-О-О).

В силу предписаний статей 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации конфиденциальным характером обладает

любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. При этом в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и от 27 мая 2010 года № 644-О-О).

Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует статья 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации; собирание или распространение информации о частной жизни лица допускается лишь в предусмотренном законом порядке и лишь в отношении тех сведений, которые уже официально кому-либо доверены самим лицом и в законном порядке собраны, хранятся, используются и могут распространяться. Иное приводило бы к произвольному, не основанному на законе вторжению в сферу частной жизни лица, право на неприкосновенность которой гарантируется Конституцией Российской Федерации, сужало бы понятие частной жизни и объем гарантий ее защиты (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1253-О).

<...> исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, а также принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности при определении условий реализации

фундаментальных прав и их возможных ограничений – должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, а потому, по смыслу статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, под защитой которых находятся семья, материнство, отцовство и детство, в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке соответствующих законодательных ограничений должен лежать именно принцип максимального обеспечения интересов семьи и всех ее членов.<...>

В п. 5 Конституционный Суд РФ указал, что из Конституции Российской Федерации, не вытекает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы и позволяющую, в свою очередь, реализовать право знать свое происхождение (в данном случае – происхождение своих родителей), не подлежит осуществлению. Напротив, его ограничения, предусматриваемые федеральным законом в конституционно значимых целях, не должны приводить к исключению самой возможности осуществления данного права. Во всех случаях, в том числе при реализации корреспондирующей этому праву обязанности органов государственной власти и их должностных лиц предоставлять соответствующие сведения, необходимо соблюдение установленных пределов его ограничения, обусловленных целью обеспечения защиты прав граждан в соответствии с семейным и иным законодательством при их нарушении.

В обоснование своей позиции Конституционный Суд РФ указал, что в ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и

выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т.д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках.

<...> семейная тайна, в частности тайна усыновления, это тайна семейной общности, т.е. основанного на браке или родстве объединения лиц, связанных между собой личными и имущественными отношениями, правами и обязанностями, воспитанием детей, заботой о родителях, ведением общего хозяйства.

При отсутствии высказанной усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления, с которой законодатель связывает возможность раскрытия такой информации (пункт 2 статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и пункт 2 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»), смерть усыновителей как юридический факт сама по себе не прекращает действие режима тайны усыновления и не свидетельствует об изменении или отмене правовых последствий усыновления (статья 137 Семейного кодекса Российской Федерации). <...>

Таким образом, положения статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», как направленные на сохранение тайны усыновления ребенка, относящейся к сфере неприкосновенности частной жизни, семейной или личной тайны, не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку, будучи гарантией стабильности усыновления, защиты прав и

интересов членов семьи, уважения их личной и семейной жизни и тем самым - защиты института семьи, по своему конституционно-правовому смыслу и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не дают оснований для вывода об отсутствии у суда общей юрисдикции права в каждом конкретном случае решать вопрос о возможности предоставления потомкам усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей в объеме, необходимом для реализации ими права знать свое происхождение (происхождение своих родителей), обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений.

Иное понимание данных законоположений приводило бы не только к не отвечающему требованиям необходимости, соразмерности и пропорциональности ограничению права на свободу информации в соответствии с критериями, которые предопределяются положениями статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, т.е. в той мере, в какой это необходимо в Российской Федерации как демократическом и правовом государстве в целях защиты прав, гарантированных статьями 23 (часть 1) и 24 Конституции Российской Федерации, но и к снижению гарантий государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, закрепленных статьей 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, и противоречило бы общепризнанным принципам и нормам международного права, являющимся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации. <...>

4.5. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан»

Поводом к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации явились жалоба гражданки Украины У. и гражданина Российской Федерации У., жалоба гражданина Украины Ш. и гражданки Российской Федерации М.-В., жалоба гражданки Республики Молдова К. и гражданина Российской Федерации К., в которых оспаривались взаимосвязанные положения части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» постольку, поскольку на их основании в отношении страдающих ВИЧ-инфекцией иностранных граждан и лиц без гражданства, члены семьи которых постоянно проживают на территории Российской Федерации, принимаются решения о нежелательности их временного проживания в Российской Федерации,

об отказе в выдаче или об аннулировании ранее выданного разрешения на временное проживание и об их депортации из Российской Федерации.

<...> п. 2 . В соответствии с Конституцией Российской Федерации политика России как правового и социального государства – исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями, стремления обеспечить благополучие и процветание страны - направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (преамбула; статья 1, часть 1; статья 7, часть 1); при этом принцип социального государства, относящийся к основам конституционного строя Российской Федерации, обязывает публичную власть надлежащим образом осуществлять охрану здоровья людей, государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1; статья 41).

Особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи требуют со стороны государства уважения и защиты семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей. Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование в той или иной сфере общественных отношений, должен принимать во внимание необходимость укрепления семьи, ее построения на чувствах взаимной любви и уважения, началах взаимопомощи и ответственности друг перед другом всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления ее членами своих прав.

<...> С конституционно-правовой точки зрения страдающие ВИЧ-инфекцией иностранные граждане и лица без гражданства, члены семьи которых постоянно проживают на территории Российской Федерации, составляют одну категорию; в отношении субъектов, относящихся к этой категории, на Российскую Федерацию в силу статьи 62 (часть 3) Конституции Российской Федерации возложена обязанность защиты прав, вытекающих из ее статьи 38 (части 1 и 2), что не препятствует федеральному законодателю вводить в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, страдающих ВИЧ-инфекцией и проживающих на территории Российской Федерации, – с учетом специфики этого заболевания, его протекания, лечения и иных имеющих значение факторов – дополнительные требования, направленные на воспрепятствование распространению ВИЧ-инфекции, при условии, что они будут соразмерны, адекватны и пропорциональны преследуемой цели.

<...> взаимосвязанные положения части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона "О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)" не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 38 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой эти положения позволяют принимать в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, члены семьи которого постоянно проживают на территории Российской Федерации, решение о нежелательности его проживания в Российской Федерации,

Федерации и о его депортации либо об отказе такому лицу во въезде в Российскую Федерацию, в выдаче разрешения на временное проживание в Российской Федерации или об аннулировании ранее выданного разрешения исключительно на основании факта наличия у такого лица ВИЧ-инфекции, при отсутствии как нарушений с его стороны требований, которые установлены законодательством в отношении ВИЧ-инфицированных лиц и направлены на предотвращение дальнейшего распространения данного заболевания, так и иных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости применения к этому лицу подобных ограничений.

<...> федеральному законодателю надлежит, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, направленные на уточнение оснований и процедуры принятия решения о нежелательности проживания в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, у которых выявлена ВИЧ-инфекция, а также на уточнение требований, установленных миграционным законодательством для получения документов, подтверждающих право иностранного гражданина или лица без гражданства на проживание в Российской Федерации. <...>

4.6. Определение Конституционного Суда РФ от 3 ноября 2009 г. № 1365-О-О «По запросу Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан о проверке конституционности подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»

В Конституционный Суд РФ поступил запрос Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, в котором оспаривается конституционность подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», согласно которому трудовая пенсия по старости назначается ранее достижения общеустановленного возраста женщинам, родившим пять и более детей и воспитавшим их до достижения ими возраста 8 лет, по достижении возраста 50 лет, если они имеют страховой стаж не менее 15 лет; одному из родителей инвалидов с детства, воспитавшему их до достижения ими возраста 8 лет: мужчинам по достижении возраста 55 лет, женщинам по достижении возраста 50 лет, если они имеют страховой стаж соответственно не менее 20 и 15 лет; опекунам инвалидов с детства или лицам, являвшимся опекунами инвалидов с детства, воспитавшим их до достижения ими возраста 8 лет, трудовая пенсия по старости назначается с уменьшением общеустановленного пенсионного возраста на один год за каждые один год и шесть месяцев опеки, но не более чем на пять лет в общей сложности, если они имеют страховой стаж не менее 20 и 15 лет соответственно мужчины и женщины.

По мнению заявителя, данное законоположение свидетельствует о необоснованно избирательном подходе федерального законодателя к предоставлению дополнительных пенсионных прав гражданам независимо от содержания и степени заботы о подопечных детях, что приводит к нарушению конституционных прав граждан и принципов государственной поддержки и защиты семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов, гарантированности социального обеспечения на основе равенства прав и свобод человека и гражданина и противоречит статьям 7 (часть 2), 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 38 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации. По мнению заявителя, это законоположение:

неоправданно разделяет указанных граждан, достигших необходимого возраста и имеющих требуемый страховой стаж, на две группы - воспитавших до достижения 8 лет пятерых детей или воспитавших ребенка-

инвалида до достижения им возраста 8 лет (т.е. инвалидность которого возникла в возрасте до 8 лет) и тех, кто в силу не зависящих от них причин и обстоятельств не воспитывал ребенка (детей) до 8 лет;

ставит право соответствующей категории граждан на получение трудовой пенсии по старости досрочно в зависимости от времени рождения ребенка (детей) во взаимосвязи с возрастом матери, а также от возраста родителей, времени наступления инвалидности у ребенка, времени установления опеки над ребенком-инвалидом, не учитывая при этом объективные причины, по которым лицо не может соответствовать указанным требованиям;

закрепляет право только одного родителя на досрочное назначение трудовой пенсии по старости при равном участии обоих родителей в воспитании ребенка-инвалида до достижения им возраста 8 лет, вследствие чего реализация соответствующего права одним из родителей зависит от согласия или волеизъявления второго родителя, а также автоматически лишает последнего этого права;

позволяет отнести к лицам, имеющим право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, лиц, лишенных родительских прав или отстраненных от исполнения обязанностей опекуна или попечителя после достижения ребенком 8-летнего возраста, а также лиц, совершивших умышленное преступление или административное правонарушение в отношении воспитываемых детей как до, так и после достижения ими возраста 8 лет;

не отвечает требованиям справедливости и морали, учитывая социальную значимость регулируемых этим законоположением общественных отношений, в связи с чем не согласуется со Всеобщей декларацией прав человека (статьи 1, 2, 7 и 29) и Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 26), предусматривающими, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах,

равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона.

Конституционный Суд РФ отказал в рассмотрении поступившего запроса на том основании, что согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием для рассмотрения дела Конституционным Судом РФ обнаружившаяся неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемой нормы, и поскольку такая неопределенность в вопросе о соответствии подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» статьям 7 (часть 2), 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 38 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации отсутствует, запрос Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан не может быть принят к рассмотрению.

Вместе с тем, Конституционный Суд РФ указал, что подпункт 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», устанавливающий право многодетной матери, одного из родителей (опекунов) ребенка – инвалида с детства на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, представляет собой дополнительную гарантию социальной защиты для лиц, выполнявших социально значимую функцию воспитания детей – инвалидов с детства, сопряженную с повышенными психологическими и эмоциональными нагрузками, физическими и материальными затратами.

Одним из обязательных условий досрочного назначения трудовой пенсии по указанному основанию является достижение ребенком – инвалидом с детства возраста 8 лет, что вызвано особой значимостью ухода и воспитания детей до достижения ими указанного возраста, когда ребенок приобретает навыки самообслуживания и начинает обучение в начальной школе, свидетельствует о многолетней заботе о нем и соотносится с

предусмотренным оспариваемым законоположением сроком, на который сокращается пенсионный возраст и требуемый страховой стаж (пять лет).

Родители инвалидов с детства, воспитавшие их до достижения возраста 8 лет, в соответствии со статьей 38 (часть 2) Конституции Российской Федерации в равной мере имеют возможность воспользоваться правом на назначение трудовой пенсии по старости ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста на основании подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» с учетом их свободного выбора.

<...> действующее законодательство не связывает право на досрочное назначение пенсии по старости одного из родителей ребенка – инвалида с детства с согласием (волеизъявлением) второго родителя. Из указанного законоположения также не следует, что в случае реализации одним из родителей данного права второй родитель лишается такой возможности, так как трудовая пенсия может быть назначена ему досрочно в связи с прекращением выплаты трудовой пенсии другому родителю в случае его смерти или перехода на другой вид пенсии. <...>

<...> досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» возможно обоим родителям в случае, когда в семье имеется более одного ребенка – инвалида с детства и оба родителя воспитывали их до достижения 8-летнего возраста. Отцу, воспитавшему ребенка - инвалида с детства до достижения им 8-летнего возраста, также может быть назначена досрочно трудовая пенсия по старости независимо от того, что матери по достижении возраста 50 лет была назначена аналогичная пенсия как женщине, родившей пять и более детей (учитывая ребенка – инвалида с детства) и воспитывавшей их до достижения ими возраста 8 лет.

Конституционный Суд РФ указал, что необходимым условием для досрочного назначения трудовой пенсии по старости одному из родителей

(опекуну) в соответствии с оспариваемым законоположением является факт признания ребенка инвалидом в установленном порядке. Вопреки утверждению заявителя, для назначения досрочно трудовой пенсии одному из родителей возраст ребенка, в котором он был признан инвалидом с детства (например, после достижения ребенком 8-летнего возраста), продолжительность периода, в течение которого он был инвалидом, а также то, что на момент установления пенсии одному из родителей (опекуну) ребенок уже не является инвалидом с детства (либо умер), значения не имеют. Что касается опекунов инвалидов с детства, то правовое значение для снижения им общеустановленного возраста выхода на пенсию имеет момент установления опекунства до достижения ребенком возраста 8 лет, а также продолжительность фактических периодов опеки над ребенком-инвалидом. При этом право на досрочное назначение пенсии по старости имеют как опекуны инвалидов с детства, которые являются таковыми на момент обращения за пенсией, так и лица, которые ранее являлись опекунами инвалидов с детства, но на момент назначения пенсии таковыми не являются.

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей; родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке (статья 65) и могут быть лишены родительских прав, в том числе за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, жестокое обращение с детьми, осуществление над ними физического или психического насилия, покушение на их половую неприкосновенность, совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей (статья 69). Согласно пункту 1 статьи 71 Семейного кодекса Российской Федерации родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с

ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. Это в полной мере относится и к праву на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, установленному оспариваемым заявителем законоположением.

В отношении опекунов действующее законодательство не содержит положений, аналогичных предусмотренному пунктом 1 статьи 71 Семейного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем в отличие от многодетных матерей и родителей инвалидов с детства снижение возраста выхода на пенсию опекунам инвалидов с детства осуществляется за фактическое время опеки. Поэтому в случае отстранения от опекуинства лицо лишается права на дальнейшее осуществление обязанностей опекуна, не может быть усыновителем либо приемным родителем, не может быть вновь назначено опекуном или попечителем этому или другому ребенку (статьи 127, 146 и 153 Семейного кодекса Российской Федерации) и, соответственно, ограничивается в возможности увеличения периода опеки, имеющего значение для досрочного назначения трудовой пенсии по старости.

В п. 2.4. Конституционный Суд РФ указал, что оспариваемое заявителем законоположение обусловлено приоритетом интересов и благосостояния детей, отражает признание общественной значимости осуществления материнской функции, направлено на защиту семьи, материнства, отцовства, опекуинства и детства, имеет целью установление для соответствующей категории лиц с семейными обязанностями особых мер социального обеспечения, что согласуется с конституционными ценностями справедливости и юридического равенства и основанном на них принципом сбалансированности прав

и обязанностей. Как неоднократно отмечал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации (определения от 11 мая 2006 года № 187-О, от 16 ноября 2006 года № 511-О и др.), само по себе установление льготного порядка реализации права на социальное обеспечение для отдельных категорий граждан, включая предоставление возможности досрочного назначения пенсии по старости, не затрагивает права тех лиц, которые не отнесены законодателем к числу нуждающихся в повышенной социальной защите граждан, пользующихся такой льготой, и не может оцениваться как нарушающее положения Конституции Российской Федерации о социальном характере Российского государства, обязанностью которого провозглашены признание, соблюдение и защита являющихся высшей ценностью прав и свобод человека, в том числе в социальной сфере (статьи 2 и 7; статья 39, части 1 и 2).

Кроме того, дополнительные гарантии социального, в том числе пенсионного, обеспечения, в частности права на досрочное назначение трудовой пенсии по старости для лиц с родительскими (опекунскими) обязанностями, на которых не распространяется действие подпункта 1 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», в соответствии с предписаниями статьи 72 (пункт «ж» части 1) Конституции Российской Федерации, относящей защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также социальную защиту, включая социальное обеспечение, к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, могут быть предусмотрены законом субъекта Российской Федерации за счет средств соответствующего бюджета. <...>

5. Защита семьи и семейных ценностей при использовании вспомогательных репродуктивных технологий

5.1. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 № 746-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки П. на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетних детей статьей 135 Семейного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 264 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»

Рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданки П. к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил, что гражданка П., действующая в интересах своих несовершеннолетних детей, оспаривает конституционность статьи 135 «Изменение даты и места рождения усыновленного ребенка» Семейного кодекса Российской Федерации и части второй статьи 264 «Дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение» ГПК Российской Федерации.

Из представленных материалов следует, что определением судьи суда общей юрисдикции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, отказано в принятии заявления, в котором П. и другое лицо (А.) просили установить факты, имеющие юридическое значение: место и дату рождения их сына и место рождения их дочери. В обоснование заявления было указано, в частности, что дети родились в разных странах, в том числе с применением суррогатного материнства. Судья отметил, что факты, об установлении которых просили П. и А., ни для них, ни для их несовершеннолетних детей не влекут возникновения, изменения или прекращения личных или имущественных прав; кроме того, сами П. и А. указывают, что эти факты не имели места. Суд апелляционной инстанции отклонил доводы частной жалобы о

необходимости применения закона, регламентирующего внесение изменений в акты записи гражданского состояния при усыновлении детей, по аналогии. В передаче кассационной жалобы на названные судебные постановления и определение суда кассационной инстанции, которым они оставлены без изменения, для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации было отказано.

По мнению заявительницы, оспариваемые нормы противоречат статьям 7 (часть 2), 17 (часть 1), 19 (часть 1), 55 (часть 3) и 72 (пункт "ж.1" части 1) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они не позволяют изменить дату и место рождения ребенка, рожденного суррогатной матерью.

Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, указав, что

<...> часть первая статьи 264 ГПК Российской Федерации прямо предусматривает, что в делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение, суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций. При этом условием, необходимым для установления таких фактов, выступает невозможность получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или невозможность восстановления утраченных документов (статья 265 того же Кодекса). Таким образом, часть вторая статьи 264 ГПК Российской Федерации, содержащая открытый перечень дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и конкретизирующая тем самым часть первую этой статьи, не может рассматриваться как нарушающая в обозначенном в жалобе аспекте конституционные права несовершеннолетних детей заявительницы.

Как следует из представленных материалов, в принятии заявления П. и А. было отказано в том числе с учетом существа избранной ими для защиты прав процедуры (установление фактов, имеющих юридическое значение). Соответственно, представленные с жалобой копии судебных постановлений не могут расцениваться в качестве подтверждающих применение статьи 135 Семейного кодекса Российской Федерации в конкретном деле по смыслу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». <...>

5.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области»

Предметом рассмотрения по делу явились положения части 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о предоставлении права на получение материнского (семейного) капитала мужчине, который в установленном порядке признан в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, а затем вступил в брак и воспитывает своих детей в семье совместно с усыновившей (удочерившей) их супругой, не приобретшей право на получение мер государственной поддержки в соответствии с названным Федеральным законом.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Конаковского городского суда Тверской области, в производстве которого находилось гражданское дело по иску гражданина Т. к территориальному органу Пенсионного фонда Российской Федерации о признании права на

получение материнского (семейного) капитала, признании незаконным решения об отказе в выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, обязанности выдать соответствующий сертификат и взыскании компенсации морального вреда.

На основании решения Конаковского городского суда Тверской области от 3 октября 2019 года Т. признан отцом двух детей, рожденных 3 сентября 2019 года суррогатной матерью с использованием биологического материала, принадлежащего указанному гражданину (согласие суррогатной матери на запись Т. в качестве родителя рожденных ею детей было получено). Органом записи актов гражданского состояния произведена регистрация рождения этих детей и выданы свидетельства о рождении, в графе «Отец» которых указан Т., а в графе «Мать» поставлен прочерк. 19 октября 2019 года Т. вступил в брак с гражданкой К., которая после регистрации этого брака удочерила двух детей своего супруга, рожденных суррогатной матерью. При обращении в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации с заявлением о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал К. получила отказ в связи с отсутствием у нее права на дополнительные меры государственной поддержки в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который, связывая право граждан на соответствующие меры государственной поддержки не только с рождением, но и с усыновлением ребенка (детей), исключает из числа усыновленных детей, с учетом которых такие меры могут быть предоставлены, тех детей, которые на момент усыновления являлись пасынками или падчерицами этих граждан (часть 2 статьи 3). С аналогичным заявлением в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации обратился и Т., однако ему также было отказано в выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, поскольку он не относится к предусмотренным названным

Федеральным законом категориям граждан, наделенных правом на получение дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей. Посчитав такой отказ незаконным, Т. обратился в Конаковский городской суд Тверской области. В ходе рассмотрения данного дела суд пришел к выводу о наличии неопределенности в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1), 39 (часть 1) и 55 (часть 3), подлежащей применению в этом деле статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в той мере, в какой содержащиеся в ней положения – по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, – лишают отцов детей, рожденных суррогатной матерью, права на получение дополнительных мер государственной поддержки в форме материнского (семейного) капитала.

Как отмечается в запросе, оспариваемая норма ставит мужчин, являющихся отцами двух и более детей, рожденных суррогатной матерью, в неравное положение по сравнению как с мужчинами, которые являются единственными усыновителями детей и наделены указанным правом, так и с женщинами – матерями, имеющими право на получение материнского (семейного) капитала независимо от того, зарегистрирован ли какой-либо мужчина в качестве отца их ребенка (детей). Такое правовое регулирование, по мнению заявителя, несовместимо с конституционным принципом равенства и не согласуется с конституционно значимыми целями возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина.

<...> п. 2 Согласно Конституции Российской Федерации политика России как правового социального государства, на котором лежит ответственность перед нынешним и будущими поколениями и которое стремится обеспечить благополучие и процветание страны, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное

развитие человека. Относящийся к основам конституционного строя принцип социального государства обязывает публичную власть надлежащим образом осуществлять охрану здоровья людей, обеспечивать государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать гарантии социальной защиты (преамбула; статья 1, часть 1; статья 7).

Семья, материнство, отцовство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России. Конституция Российской Федерации предусматривает защиту семьи, материнства, отцовства и детства, относя осуществление соответствующего правового регулирования к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункт "ж".1 части 1), и закрепляет, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание составляют равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2).

В силу того, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, государство создает условия, способствующие их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию, обеспечивает приоритет семейного воспитания, а также гарантирует каждому социальное обеспечение для воспитания детей (статья 39, часть 1; статья 67.1, часть 4, Конституции Российской Федерации).

Приведенным конституционным положениям, обуславливающим необходимость обеспечения - на основе общепринятых в социальных государствах стандартов - родителям и другим лицам, воспитывающим детей, возможности достойно выполнять соответствующие социальные функции, корреспондируют требования Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года). Исходя из

принципа приоритета интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни, названная Конвенция обязывает подписавшие ее государства принимать все законодательные и административные меры к тому, чтобы обеспечить детям необходимые для их благополучия защиту и заботу, принимая во внимание права и обязанности родителей, опекунов и других лиц, несущих за них ответственность по закону (пункт 2 статьи 3), признавать право каждого ребенка на уровень жизни, который требуется для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития, с учетом того, что родители или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за создание в пределах своих способностей и финансовых возможностей необходимых для этого условий (пункты 1 и 2 статьи 27).

Особая роль семьи в развитии личности ребенка, удовлетворении его духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи определяют необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, принципами регулирования которых выступают, в частности, приоритет семейного воспитания детей и забота об их благосостоянии и развитии (пункты 1 и 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2014 года № 1-П, от 12 марта 2015 года N 4-П и др.).

Указанные принципы лежат и в основе государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, которая, будучи направленной в том числе на повышение уровня рождаемости как важного условия сохранения и развития многонационального народа России, на стимулирование устройства в семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также на создание условий для достойного воспитания детей в семье, в настоящее время приобретает особую социальную значимость и является первостепенной задачей демографической политики Российской Федерации. Этим обусловлена

необходимость введения правовых механизмов, обеспечивающих такого рода поддержку институту семьи в целом на основе общепринятых в правовом социальном государстве стандартов и гуманитарных ценностей, а также исходя из целей социальной и экономической политики Российской Федерации на конкретно-историческом этапе, достигнутого ею уровня экономического развития и финансовых возможностей государства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2014 года № 21-П, от 20 июня 2018 года № 25-П и др.).

Осуществляя на основе предписаний статей 7, 38 (часть 1), 39 (части 1 и 2), 67.1 (часть 4) и 72 (пункт «ж.1» части 1) Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации правовое регулирование общественных отношений в этой сфере, законодатель располагает достаточно широкой свободой усмотрения в выборе конкретных мер государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, определении условий и порядка их предоставления. Однако при этом он связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами и соблюдать принципы справедливости и равенства, выступающие конституционными критериями оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона.

<...> п. 3. В целях обеспечения гарантированной государством материальной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства законодатель предусмотрел систему мер социальной защиты граждан, имеющих детей, установив в Федеральном законе от 19 мая 1995 года № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» в качестве основных мер такой защиты государственные пособия,

выплачиваемые в связи с рождением и воспитанием детей, а в дополнение к ним - в целях создания семьям с детьми условий, обеспечивающих им достойную жизнь, - Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» предусмотрел для таких семей возможность получения государственной поддержки в форме материнского (семейного) капитала. Средства этого капитала могут направляться на улучшение жилищных условий, получение образования ребенком (детьми), повышение уровня пенсионного обеспечения матерей, приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, а также получение ежемесячной выплаты в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2017 года № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей».

Действуя в пределах предоставленных ему полномочий, федеральный законодатель определил круг лиц, имеющих право на дополнительные меры государственной поддержки при рождении (усыновлении) ребенка (детей), и - с учетом особой, связанной с материнством, социальной роли женщины в обществе - предусмотрел приоритетное право женщин на их получение. В частности, право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации, у следующих граждан Российской Федерации независимо от места их жительства: 1) женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка начиная с 1 января 2007 года; 2) женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки; 3) мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об

усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 года; 4) женщин, родивших (усыновивших) первого ребенка начиная с 1 января 2020 года; 5) мужчин, являющихся единственными усыновителями первого ребенка, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2020 года (часть 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»).

Соответственно, по общему правилу право мужчины на дополнительные меры государственной поддержки по случаю рождения ребенка (детей) является производным от права женщины и может быть реализовано лишь в случае, когда возникшее у женщины право на указанные меры прекратилось по основаниям, предусмотренным законом, в частности в связи со смертью женщины, объявлением ее умершей, лишением родительских прав и в других ситуациях отсутствия у ребенка (детей) материнского попечения (часть 3 той же статьи). При этом данное право мужчины не является производным от права женщины только тогда, когда он является единственным усыновителем ребенка (детей).

Такое правовое регулирование обусловлено различиями в видах социального риска, которым подвержены мужчины и женщины, а также основаниями возникновения правоотношений по воспитанию детей и само по себе не противоречит закрепленному в статье 19 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципу равенства мужчины и женщины при реализации прав, гарантированных статьями 38 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 года № 1085-О-О, от 23 июня 2015 года № 1518-О, от 26 ноября 2018 года № 2922-О и др.).

К мотивировочной части Конституционный Суд РФ указал, что при определении круга лиц, имеющих право на дополнительные меры

государственной поддержки семей с детьми (в частности, на получение материнского (семейного) капитала), федеральный законодатель исходил из того, что такого рода государственная поддержка направлена прежде всего на стимулирование рождаемости детей в семье, а также на создание условий для их достойного семейного воспитания и тем самым призвана содействовать укреплению семьи как конституционно защищаемой ценности. В то же время он не мог не учитывать, что отдельные граждане, в частности лица, для которых биологическое материнство или отцовство исключается по медицинским показаниям, могут и желают реализовать свою естественную потребность в продолжении рода и осуществлении родительской заботы и воспитания детей посредством использования вспомогательных репродуктивных технологий (п.4).

Отношения по применению такого рода технологий регулируются в первую очередь Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а сами эти технологии позволяют гражданам - в контексте реализации ими конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41, часть 1, Конституции Российской Федерации) - реализовать и социальные функции материнства и отцовства, тем самым обеспечив им возможность воспитывать детей в семье.

В соответствии со статьей 55 названного Федерального закона под вспомогательными репродуктивными технологиями понимаются методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства (часть 1). Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий имеют мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на

медицинское вмешательство, а также одинокая женщина при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (часть 3). При этом договор о суррогатном материнстве, представляющем собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды), может быть заключен между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (часть 9).

Приведенные законоположения не относят одинокого мужчину, единолично изъявившего желание стать отцом с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, к числу лиц, имеющих безусловное право на их применение, и не указывают его в качестве потенциальной стороны договора о суррогатном материнстве.

С учетом данного обстоятельства и принимая во внимание, что само по себе право на дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает, оспариваемый Федеральный закон также не относит мужчин, являющихся отцами детей, рожденных суррогатной матерью, к лицам, имеющим право на дополнительные меры государственной поддержки в связи с рождением (усыновлением) ребенка (детей), тем самым обеспечивая согласованность законодательного регулирования отношений по предоставлению такого рода поддержки семьям с детьми и отношений по применению вспомогательных репродуктивных технологий.

С этой точки зрения часть 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» – в той мере, в какой она не предоставляет по общему правилу права на получение материнского (семейного) капитала мужчине,

который в установленном порядке признан в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, – не может рассматриваться как не согласующаяся с конституционными предписаниями.

Не ставят под сомнение конституционность оспариваемого законоположения в обозначенном аспекте и имеющие место случаи фактического использования технологии суррогатного материнства одинокими мужчинами, отцовство которых в отношении детей, рожденных суррогатной матерью, было установлено в судебном порядке. Подобная правоприменительная практика – имея в виду вытекающую из Конституции Российской Федерации в единстве с международно-правовыми актами приоритетную цель защиты прав и интересов ребенка – может быть оправдана лишь необходимостью легализации правовой связи детей, рожденных суррогатными матерями для одиноких мужчин, с их генетическими отцами и тем самым обеспечения таким детям родительского попечения, хотя и в лице единственного родителя.

Вместе с тем такое правовое регулирование позволяет отказывать в предоставлении права на получение материнского (семейного) капитала в том числе в тех случаях, когда мужчина, единолично изъявивший желание стать отцом с применением вспомогательных репродуктивных технологий, фактически воспользовавшийся технологией суррогатного материнства и в установленном порядке признанный в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, вступил в брак и воспитывает своих детей в семье совместно с усыновившей их супругой.

5. Признавая возможность рождения детей с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, федеральный законодатель, осуществляющий правовое регулирование отношений, связанных с предоставлением дополнительных мер государственной поддержки семьям с детьми, исходит в первую очередь из

конституционного понимания брака как союза мужчины и женщины (статья 72, пункт «ж.1» части 1, Конституции Российской Федерации) и сложившихся в обществе представлений о традиционной модели семейных отношений, также предполагающей основанный на принципе добровольности брачный союз мужчины и женщины (пункт 3 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации), и поэтому - из оправданности обращения к суррогатному материнству прежде всего супружеских пар, которые по объективным причинам (состояние здоровья) не могут самостоятельно выполнить репродуктивную функцию, что само по себе не исключает - по усмотрению законодателя - предоставления возможности применения данной вспомогательной репродуктивной технологии и в иных случаях.

В силу этого и руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами справедливости и равенства, а также государственной поддержки семьи и приоритета семейного воспитания (статья 7, часть 2; статья 19, части 1 и 2; статья 38, часть 1; статья 67.1, часть 4), федеральный законодатель, обеспечивая возможность получения дополнительных мер государственной поддержки в связи с рождением и воспитанием детей, гарантирует их предоставление семьям с детьми, рожденными с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (в том числе суррогатного материнства), на равных основаниях с прочими семьями, имеющими детей. По смыслу части 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в таких семьях в случае рождения ребенка суррогатной матерью право на дополнительные меры государственной поддержки (в частности, на получение материнского (семейного) капитала) возникает и может быть реализовано на общих основаниях женщиной, которая при государственной регистрации рождения ребенка записана в установленном порядке в качестве его матери (пункты 1, 2 и 4).

Поскольку дополнительные меры государственной поддержки в

связи с рождением и воспитанием детей должны быть направлены и на содействие укреплению семьи в ее конституционно-правовом и традиционном понимании, законодатель, осуществляя соответствующее правовое регулирование, не вправе игнорировать эту составляющую целевой направленности такого рода мер.

Между тем, предусматривая приоритетное право женщин на предоставление соответствующих мер государственной поддержки, федеральный законодатель не учел, что в семьях с детьми, рожденными с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (в частности, суррогатного материнства), - если изначально в качестве единственного родителя таких детей на основании вступившего в законную силу судебного решения об установлении отцовства был признан их генетический отец, а в последующем, после вступления его в брак, эти дети были усыновлены его супругой - право на получение материнского (семейного) капитала в связи с рождением ребенка в силу объективных причин не может возникнуть у женщины-матери и быть ею реализовано. У женщины же, которая усыновила указанных детей, приходящихся ей пасынками или падчерицами, в силу части 2 статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" данное право также не возникает.

Учитывая изложенное, в таких семьях правом на предусмотренные оспариваемым Федеральным законом дополнительные меры государственной поддержки (в частности, на получение материнского (семейного) капитала) в настоящее время не наделен ни мужчина, который признан судом в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, и, вступив в последующем в брак, продолжает воспитывать этих детей в семье совместно с усыновившей их супругой, ни его супруга, усыновившая таких детей.

Однако такие семьи наравне с другими семьями, воспитывающими рожденных или усыновленных детей, выполняют функцию заботы о детях

и их воспитания. В то же время правовое положение членов этих семей в части получения материнского (семейного) капитала не определено законодателем, в силу чего указанные семьи поставлены в худшие условия по сравнению с семьями, в которых родители детей (в том числе рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий) или их усыновители приобрели право на дополнительную государственную поддержку в форме материнского (семейного) капитала. Тем самым такие семьи без достаточных к тому оснований лишаются соответствующей государственной поддержки, что не согласуется с требованиями статей 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1) и 67.1 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, часть 1 статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1) и 67.1 (часть 4), в той мере, в какой она не предоставляет права на получение материнского (семейного) капитала мужчине, который в установленном порядке признан в качестве единственного родителя отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, а впоследствии вступил в брак и воспитывает своих детей в семье совместно с усыновившей (удочерившей) их супругой.

Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

5.3. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»

В Конституционный Суд РФ обратились граждане Российской Федерации Ч.П. и Ч.Ю., которые оспаривали конституционность пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации в части, определяющей порядок записи в книге записей рождений родителей ребенка, рожденного в результате применения такой вспомогательной репродуктивной технологии, как суррогатное материнство, и пункта 5 статьи 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», устанавливающего требование о необходимости представления при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, документа, выданного медицинской организацией и подтверждающего факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка.

Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные заявителями материалы, не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению, указав на недопустимость жалобы.

<...> В Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита - обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и

обеспечиваются правосудием (статьи 1, 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации).

Согласно Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством (статья 21, часть 1); семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1); забота о детях, их воспитание – право и обязанность родителей (статья 38, часть 2); каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41, часть 1); ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

В соответствии с Декларацией прав ребенка от 20 ноября 1959 года, предусматривающей, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения, Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, являющаяся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, обязывает государства-участники обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (пункт 2 статьи 3), и принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления (пункт 1 статьи 19).

Европейский Суд по правам человека применительно к статье 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод указывал, что национальные власти обязаны соблюдать справедливый баланс между конкурирующими интересами и

при определении такого баланса особое значение придавать коренным интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей (например, решение от 24 ноября 2005 года по вопросу приемлемости жалобы № 16153/03 «Владимир Лазарев и Павел Лазарев против России»).

<....> Семейное законодательство, конкретизируя положения Конституции Российской Федерации и актов международного права, как следует из статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации, исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (пункт 1); регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (пункт 3); запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан (пункт 4). <....>

В соответствии со статьей 7 Семейного кодекса Российской Федерации граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений

(семейными правами), в том числе правом на защиту этих прав, если иное не установлено Семейным кодексом Российской Федерации; осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан (пункт 1); семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав (пункт 2).

Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства, детства, направленная в том числе на повышение уровня рождаемости, предполагает наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации на конкретно-историческом этапе, а также уровню экономического развития и финансовым возможностям государства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 года № 28-П).

Значимым средством обеспечения интересов семьи, материнства, отцовства, детства, как и конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, являются в настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии - методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства; порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (части 1 и 2 статьи 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Осуществляя на основе предписаний статей 7, 38 (часть 1) и 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации правовое регулирование в сфере использования репродуктивных технологий, включая суррогатное материнство (статья 71, пункты «в», «о»; статья 72, пункты «б», «ж», «к» части 1, Конституции Российской Федерации), законодатель обладает широкой свободой усмотрения в выборе мер защиты здоровья граждан, семьи, материнства, отцовства и детства и определении условий и порядка их предоставления. Вместе с тем он связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона.

Суррогатное материнство, согласно статье 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (часть 9); суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское

вмешательство; женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга; суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки (часть 10).

Инструкция по применению методов вспомогательных репродуктивных технологий, утвержденная приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 февраля 2003 года № 67 (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 24 апреля 2003 года № 4452), закрепляющая порядок участия генетических родителей и суррогатной матери в программе «суррогатное материнство», предусматривает, в частности, обязательное наличие их письменного информированного согласия на участие в этой программе, а также медицинские показания к суррогатному материнству и требования, которым должна отвечать суррогатная мать.

Государственная регистрация рождения ребенка, выношенного суррогатной матерью, осуществляется в общем порядке с особенностями, закрепленными оспариваемыми заявителями положениями. Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации лица, состоящие в браке между собой и давшие согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). В силу пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери),

на запись указанных супругов родителями ребенка.

<...> Законодательно предусмотренное право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы при государственной регистрации рождения ребенка его родителями были записаны генетические родители, означает имеющуюся у нее возможность в записи акта о рождении ребенка записать себя матерью ребенка, что фиксируется и в свидетельстве о его рождении (статьи 14, 17 и 23 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»), обуславливая тем самым для женщины, родившей ребенка, права и обязанности матери (статья 47 Семейного кодекса Российской Федерации). Указанная модель правового регулирования, не будучи единственно возможной, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя. <...>

6. Государственная поддержка семей с детьми

6.1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. № 56-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А.А. Дробковой»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки А.А. Дробковой, в которой заявительница оспаривает конституционность положений пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», в той мере, в какой на его основании решается вопрос о возможности направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий путем реконструкции иного объекта капитального строительства, предназначенного для постоянного проживания, кроме объекта

индивидуального жилищного строительства, притом что лицом, получившим сертификат на материнский (семейный) капитал, выполнены все требования, предъявляемые к реконструкции таких объектов.

По мнению А.А. Дробковой, оспариваемое законоположение противоречит статьям 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 7 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 17 (часть 1), 18, 19, 39 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации, поскольку оно - во взаимосвязи с пунктом 39 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации и статьями 15 и 16 Жилищного кодекса Российской Федерации – является неопределенным в части нормативного содержания понятия «объект индивидуального жилищного строительства» применительно к правоотношениям по реализации средств материнского (семейного) капитала и препятствует направлению этих средств на улучшение жилищных условий путем самостоятельной реконструкции жилого помещения – квартиры в двухквартирном жилом доме, соединенной со смежной квартирой общей стеной без проемов и имеющей отдельный выход на земельный участок.

Раскрывая сущность социальной функции государства, Конституционный Суд указал, провозглашенная на конституционном уровне «цель социальной политики предполагает создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что предопределяет обязанность государства надлежащим образом осуществлять охрану здоровья людей, обеспечивать поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать гарантии социальной защиты (статьи 1 и 7). При этом защита семьи, материнства, отцовства и детства, создание условий для достойного воспитания детей в семье отнесены к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статья 38, часть 1; статья 72, пункт «ж.1» части 1, Конституции Российской Федерации). Как следует из статей 38 (часть 2) и 67.1 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 27 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20

ноября 1989 года), родители или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей необходимых условий для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития».

Регулируя на основе приведенных предписаний общественные отношения в данной сфере, законодатель располагает достаточно широкой свободой усмотрения в выборе конкретных мер поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, в определении условий и порядка их предоставления. По смыслу неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции поддержка семьи осуществляется с учетом целей социальной и экономической политики Российской Федерации на конкретно-историческом этапе, а также достигнутого ею уровня экономического развития (постановления от 8 июля 2014 г. № 21-П, от 27 марта 2018 г. № 13-П и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание, что право на получение материнского (семейного) капитала непосредственно в Конституции Российской Федерации не предусмотрено, данное право носит временный характер, обусловленный как задачами улучшения демографической ситуации, так и финансовыми возможностями государства, а условия его предоставления определяются законодателем (федеральным и субъектов Российской Федерации) в рамках его компетенции (определения от 3 марта 2015 года № 431-О, от 20 декабря 2016 года № 2686-О и др.).

Конституционный Суд указал, что законодатель связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его придерживаться баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами и соблюдать принципы справедливости и равенства, выступающие критериями оценки

законодательного регулирования не только прав и свобод, прямо закрепленных в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона. По мнению Конституционного Суда, не должны вводиться не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2017 г. № 29-П, от 14 ноября 2018 г. № 41-П, от 29 июня 2021 г. № 30-П и др.).

В связи с чем, Конституционный Суд обратив внимание, что реализуя предписания статей 7 и 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, законодатель предусмотрел различные формы помощи гражданам, имеющим детей, а также определил круг нуждающихся в ней лиц и условия ее предоставления. Одним из элементов многоаспектного механизма социальной поддержки семей с детьми, направленных на создание условий, обеспечивающих им достойную жизнь, служит возможность получить за счет средств федерального бюджета материнский (семейный) капитал (далее – материнский капитал), распорядиться средствами которого можно по определенным направлениям.

Такие направления перечислены в части 3 статьи 7 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и включают в том числе улучшение жилищных условий (пункт 1). Для этого – в силу части 1 его статьи 10 – средства (часть средств) материнского капитала в соответствии с заявлением о распоряжении ими могут направляться как на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), так и на строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства,

осуществляемые гражданами без привлечения организации, осуществляющей строительство, реконструкцию такого объекта, в том числе по договору строительного подряда. Порядок направления средств в случае такого строительства, реконструкции объекта конкретизирован в частях 1.1, 1.2 и 1.3 той же статьи и в пунктах 10.1, 10.2, 10.3 и 10.4 Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862). С учетом этого объектом строительства, реконструкции, в связи с которыми – при соблюдении нормативно установленных условий – могут быть использованы средства материнского капитала, является объект индивидуального жилищного строительства, расположенный на земельном участке, предназначенном для индивидуального жилищного строительства или ведения садоводства (пункт 1 части 1.1 и пункт 1 части 1.3 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»).

Конституционный Суд пришел к выводу о несоответствии оспариваемых положений пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» статьям 7, 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1) и 67.1 (часть 4) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он не предусматривает возможности направить средства (часть средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий путем реконструкции иного объекта капитального строительства, предназначенного для постоянного проживания, кроме объекта индивидуального жилищного строительства, притом что лицом, получившим сертификат на материнский (семейный) капитал, выполнены все требования, предъявляемые к реконструкции таких объектов, а также соблюдены иные – кроме вида объекта и, соответственно, вида разрешенного использования земельного участка – условия направления

средств (части средств) материнского (семейного) капитала на такую реконструкцию.

6.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М.С. Колесниковой»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки М.С. Колесниковой, которая оспаривала конституционность пункта 3 статьи 1 (ошибочно указанного в жалобе как пункт 3 статьи 3) Закона Ставропольского края от 2 декабря 2015 года № 127-кз «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края», которым с 1 января 2016 года признаны утратившими силу пункт 1 части 1 статьи 3 Закона Ставропольского края от 27 декабря 2012 года N 123-кз «О мерах социальной поддержки многодетных семей», предоставлявший многодетным семьям право на получение материнского (семейного) капитала, часть 1 статьи 4 того же Закона, определявшая порядок назначения и выплаты материнского (семейного) капитала, и статья 5, устанавливавшая условия его предоставления, размер и направления использования.

Как следует из представленных Конституционному Суду Российской Федерации материалов, в связи с рождением 16 апреля 2013 года третьего ребенка семья М.С. Колесниковой была признана многодетной. В соответствии с действовавшим на тот момент законодательством Ставропольского края при рождении с 1 января 2011 года третьего ребенка или последующих детей многодетные семьи имели право на такую меру социальной поддержки, как материнский (семейный) капитал, который подлежал выплате по достижении третьим ребенком или

последующими детьми возраста трех лет. Однако, когда в апреле 2016 года М.С. Колесникова обратилась с заявлением о предоставлении данной меры социальной поддержки, Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края разъяснило ей, что Законом Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» материнский (семейный) капитал с 1 января 2016 года исключен из перечня мер социальной поддержки, предусмотренных для многодетных семей. Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку оно служит основанием для решения вопроса о возможности предоставления материнского (семейного) капитала за счет средств субъекта Российской Федерации многодетной семье, в которой третий ребенок или последующие дети родились в период с 1 января 2011 года по 31 декабря 2015 года.

<...> Согласно Конституции Российской Федерации политика России как правового и социального государства – исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями, стремления обеспечить благополучие и процветание России - направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (преамбула; статья 1, часть 1; статья 7, часть 1); в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты; материнство и детство, семья находятся под защитой государства; каждому гарантируется социальное обеспечение, в том числе для воспитания детей (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1; статья 39, часть 1).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, обуславливающим необходимость обеспечения – на основе общепринятых в социальном государстве стандартов – родителям и

другим лицам, воспитывающим детей, возможности достойно выполнять соответствующие социальные функции, корреспондируют предписания Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), которая, опираясь на принцип приоритета интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни, обязывает подписавшие ее государства – исходя из признания права каждого ребенка на уровень жизни, который требуется для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития, – принимать все законодательные и административные меры к тому, чтобы обеспечить детям необходимые для их благополучия защиту и заботу, с учетом того, что родители и другие лица, воспитывающие ребенка и несущие за него основную ответственность, обязаны создавать для этого условия в пределах своих способностей и финансовых возможностей (пункт 2 статьи 3, пункты 1 и 2 статьи 27).

<...> В силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации Конвенция о правах ребенка является составной частью правовой системы России, равно как и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года, который обязывает участвующие в нем государства предоставлять семье, как естественной и основной ячейке общества, самую широкую охрану и помощь, тем более пока на ней лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании (статья 10), и Европейская социальная хартия от 3 мая 1996 года, которая также исходит из необходимости содействия экономической, правовой и социальной защите семейной жизни в целях обеспечения условий для всестороннего развития семьи (статья 16).

В п. 3 мотивировочной части решения Конституционный Суд подчеркнул, что государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, направленная в том числе на повышение уровня рождаемости (за счет рождения в семьях второго и последующих детей) как важного условия сохранения и развития многонационального народа

России, предполагает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации на конкретно-историческом этапе, а также уровню экономического развития и финансовым возможностям государства (постановления от 22 марта 2007 года № 4-П, от 15 декабря 2011 года № 28-П, от 6 декабря 2012 года № 31-П и др.).

<...> Реализуя с учетом предписаний статей 7 и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации свои дискреционные полномочия в этой сфере, федеральный законодатель предусмотрел меры социальной защиты граждан, имеющих детей, к числу которых относится выплата государственных пособий, в частности пособий в связи с рождением и воспитанием детей. Единая система таких пособий, обеспечивающая гарантированную государством материальную поддержку материнства, отцовства и детства, установлена Федеральным законом от 19 мая 1995 года N 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и включает пособия, имеющие целью материальную поддержку в связи с рождением детей, а также в период их воспитания (пособие по беременности и родам, единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, пособие на ребенка, единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью, единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, и ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву). <...>

Наряду с этим в рамках государственной поддержки материнства, отцовства и детства для граждан, имеющих детей, установлены льготы и гарантии в сфере труда, цель которых - предотвращение возможной

дискриминации в отношении лиц с семейными обязанностями, а также иные имеющие социальную направленность меры, в том числе предусмотренные Федеральным законом от 28 декабря 2017 года № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», а также законодательством Российской Федерации о социальной помощи, занятости, образовании, здравоохранении, налогах, позволяющие улучшить положение семей с детьми и обеспечить им приемлемый уровень материального благосостояния.

Конституционный Суд признал оспоренное положение соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой установленное им правовое регулирование принято в рамках дискреционных полномочий регионального законодателя и согласуется с правовой природой материнского (семейного) капитала как дополнительной меры социальной поддержки, предоставляемой многодетным семьям за счет собственных средств субъекта Российской Федерации.

В то же время Конституционный Суд признал указанное нормативное положение не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно, исключая материнский (семейный) капитал из числа мер социальной поддержки, предоставляемых многодетным семьям Ставропольского края, не предусматривает какой-либо компенсаторный механизм, позволяющий смягчить неблагоприятные последствия отмены данной выплаты для тех семей, в которых третий ребенок или последующие дети родились в период с 1 января 2011 года по 31 декабря 2015 года.

6.3. Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 431-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Горбачевой Натальи Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части 1.3 статьи 10 Федерального закона «О

дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и абзацем четвертым пункта 10(4) Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий»

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданка Н.Б. Горбачева оспаривает конституционность следующих нормативных положений:

пункта 3 части 1.3 статьи 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», согласно которому средства материнского (семейного) капитала на основании заявления о распоряжении лица, получившего сертификат, могут быть выданы на строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемые гражданами без привлечения организации, осуществляющей строительство (реконструкцию) объекта индивидуального жилищного строительства, в том числе по договору строительного подряда, путем перечисления указанных средств на банковский счет лица, получившего сертификат, на компенсацию затрат за построенный (реконструированный с учетом требований части 1.2 данной статьи) им или его супругом (супругой) объект индивидуального жилищного строительства при представлении засвидетельствованного в установленном законом порядке письменного обязательства лица (лиц), в чьей собственности находится объект индивидуального жилищного строительства, оформить указанный объект в общую собственность лица, получившего сертификат, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) в течение шести месяцев после перечисления Пенсионным фондом Российской Федерации средств материнского (семейного) капитала - в случае, если объект

индивидуального жилищного строительства оформлен не в общую собственность лица, получившего сертификат, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей);

абзаца четвертого пункта 10(4) Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 года N 862), в соответствии с которым в случае направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на компенсацию затрат, понесенных на строительство объекта индивидуального жилищного строительства, право собственности на который возникло не ранее 1 января 2007 года, или на реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства, проведенную после 1 января 2007 года, независимо от даты возникновения права собственности на объект индивидуального жилищного строительства, подвергшийся реконструкции, осуществленные лицом, получившим сертификат, или супругом лица, получившего сертификат, с учетом требований, предусмотренных пунктом 10(1) данных Правил, лицо, получившее сертификат, одновременно с документами, указанными в пункте 6 данных Правил, представляет засвидетельствованное в установленном порядке письменное обязательство лица (лиц), в чьей собственности находится объект индивидуального жилищного строительства, оформить указанный объект в общую собственность лица, получившего сертификат, его супруга, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению в течение шести месяцев после перечисления Пенсионным фондом Российской Федерации средств материнского (семейного) капитала - в случае, если объект индивидуального жилищного строительства оформлен не в общую собственность лица, получившего сертификат, его супруга, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей).

<...> Конституция Российской Федерации, обязывая в соответствии с

целями социального государства, закрепленными в ее статье 7 (часть 1), Российскую Федерацию к установлению гарантий социальной защиты и обеспечению поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1) и гарантируя каждому социальное обеспечение для воспитания детей (статья 39, часть 1), не определяет способы и объем предоставления соответствующих мер для тех или иных категорий граждан. Разрешение данных вопросов, в том числе установление конкретных гарантий и круга лиц, на которых они распространяются, является прерогативой законодателя. При этом осуществление государством указанной обязанности предполагает учет особенностей положения тех категорий граждан, для которых государственная поддержка является необходимым источником средств к существованию.

Реализуя предписания статей 7, 38 (части 1 и 2) и 39 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель предусмотрел меры социальной защиты граждан, имеющих детей, и определил круг лиц, нуждающихся в такой защите, а также условия ее предоставления. К числу основных мер социальной защиты граждан, имеющих детей, относится выплата государственных пособий, в частности государственных пособий в связи с рождением и воспитанием детей. Единая система таких пособий, призванная обеспечивать гарантированную государством материальную поддержку материнства, отцовства и детства, установлена Федеральным законом от 19 мая 1995 года № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

В дополнение к основным мерам социальной защиты федеральный законодатель, действуя в соответствии со своими полномочиями и имея целью создание условий, обеспечивающих семьям с детьми достойную жизнь, предусмотрел различные дополнительные меры государственной поддержки семьи. Так, в Федеральном законе «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» для таких семей

предусмотрена возможность получения государственной поддержки в форме материнского (семейного) капитала. При этом, поскольку право на получение материнского (семейного) капитала непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает и носит временный характер, обусловленный как демографическими задачами, так и финансовыми возможностями государства, условия его предоставления определяются законодателем в рамках его компетенции.

<...> Определяя круг лиц, в собственность которых должен быть оформлен объект индивидуального жилищного строительства, указанные положения Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий следует рассматривать в системной связи с иными нормами данных нормативно-правовых актов, в том числе с частью 4 статьи 10 названного Федерального закона, в силу которой жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств материнского (семейного) капитала, оформляется в общую собственность родителей и детей.

Из этого следует, что правами собственников объекта индивидуального жилищного строительства, на компенсацию затрат по строительству (реконструкции) которого будут направлены средства материнского (семейного) капитала, должны, по смыслу оспариваемых норм, обладать по крайней мере сама получательница сертификата на материнский (семейный) капитал, ее дети, а также ее супруг, являющийся отцом детей (ребенка). Соответственно, супруг получательницы сертификата в обязательном порядке должен быть включен в число участников общей долевой собственности на объект индивидуального жилищного строительства только в том случае, если он является отцом ее детей (ребенка).

Как указал Конституционный Суд РФ, оспариваемые нормы

Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, в том числе в системной связи с нормами гражданского законодательства, регулирующими отношения участников общей собственности (глава 16 ГК Российской Федерации), не препятствуют получению средств материнского (семейного) капитала для целей их направления на улучшение жилищных условий, а именно на строительство (реконструкцию) объекта индивидуального жилищного строительства, доли в праве собственности на который принадлежат получателнице сертификата и ее детям.

Конституционный Суд РФ признал жалобу Н.Б.Горбачевой не отвечающей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

6.4. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июля 2014 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности подпункта «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 1050) в связи с жалобой гражданки Е.А. Дурягиной»

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Е.А. Дурягиной, в которой заявительница оспаривает конституционность подпункт «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050. По мнению заявительницы,

оспариваемое положение служит основанием для исключения молодой семьи, признанной нуждающейся в улучшении жилищных условий, из числа участников подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы в связи с направлением ею средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий.

Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и закрепляет, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7), материнство и детства, семья находятся под защитой государства (статья 38, часть 1), каждому гарантируется право на жилище, условия для осуществления которого создаются органами государственной власти и органами местного самоуправления (статья 40, части 1 и 2).

Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства, детства, как следует из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2007 года № 4-П и от 15 декабря 2011 года № 28-П, имеет особую значимость, а следовательно, предполагает наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации, направленной в том числе на повышение рождаемости как важной составляющей сохранения и развития многонационального народа России, и позволяющую создавать условия для реализации гражданами их прав и обязанностей в сфере семейных отношений, включая оказание помощи молодым семьям в решении жилищной проблемы, а семьям, имеющим детей, – предоставление дополнительных мер государственной поддержки.

<...> одно из важнейших направлений жилищной политики Российской Федерации – принятие органами государственной власти и

органами местного самоуправления в пределах своих полномочий мер, направленных на обеспечение условий для осуществления гражданами права на жилище, включая использование бюджетных средств для предоставления в установленном порядке субсидий на приобретение или строительство жилых помещений. Реализация таких мер, предусмотренных пунктом 2 статьи 2 Жилищного кодекса Российской Федерации, требует определения категорий граждан, нуждающихся в жилище, а также установления конкретных форм, источников, порядка и условий обеспечения их жильем с учетом социального статуса и имеющихся у государства финансово-экономических и иных возможностей.

Во исполнение предписаний статьи 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации, конкретизированных в статье 2 Жилищного кодекса Российской Федерации, и в целях формирования рынка доступного жилья экономкласса, отвечающего требованиям энергоэффективности и экологичности, а также выполнения государственных обязательств по обеспечению жильем установленных федеральным законодательством категорий граждан Правительство Российской Федерации постановлением от 17 декабря 2010 года № 1050 утвердило федеральную целевую программу "Жилище" на 2011 - 2015 годы, а в качестве ее составной части - отдельную подпрограмму "Обеспечение жильем молодых семей", направленную на оказание государственной поддержки в решении жилищной проблемы молодых семей, признанных в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий, и предусматривающую для них возможность получения за счет бюджетных ассигнований социальной выплаты на приобретение жилья экономкласса или строительство индивидуального жилого дома экономкласса, которую они вправе использовать наряду с привлечением собственных средств и дополнительных средств кредитных и других организаций.

<...> социальная выплата, предоставляемая за счет средств бюджетных ассигнований молодым семьям, в том числе имеющим детей, в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы, носит строго целевой характер и по своей правовой природе является мерой государственной поддержки молодых семей, направленной на создание условий для осуществления ими конституционного права на жилище. <...>

<...> Возлагая на Российскую Федерацию обязанность обеспечивать государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, Конституция Российской Федерации не определяет конкретные способы и объемы социальной защиты, предоставляемой в этой сфере тем или иным категориям граждан, что дает федеральному законодателю достаточно широкую свободу усмотрения при выборе мер социальной поддержки, установлении критериев их дифференциации и условий предоставления (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2009 года № 17-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 года № 236-О). Вместе с тем данная конституционная обязанность предполагает принятие всех необходимых законодательных, административных и других мер, которые направлены на поддержку родителей при реализации ими своих родительских прав и обязанностей, на создание условий, обеспечивающих детям достойную жизнь и свободное развитие, а также закрепляют обязанность государства создавать с учетом его финансовых и экономических возможностей правовой механизм реализации их прав, в частности права на жилище.

Действующая в Российской Федерации система правового регулирования социальной защиты включает как общие меры социальной поддержки, которые предоставляются всем семьям, имеющим детей, так и дополнительные меры целевого характера, обеспечивающие таким семьям возможность улучшения жилищных условий, в том числе в рамках

мероприятий, направленных на стимулирование и закрепление положительных тенденций в изменении демографической ситуации в стране, что полностью согласуется с требованиями Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), в силу которых государства - участники Конвенции, включая Российскую Федерацию, обязуются поддерживать в соответствии с национальными условиями и в пределах своих возможностей программы оказания помощи родителям и другим лицам, воспитывающим детей, особенно в отношении обеспечения жильем (пункт 3 статьи 27).

Одним из элементов многоаспектного механизма социальной поддержки семей, имеющих детей, является предоставление им возможности получить государственную поддержку за счет средств федерального бюджета в виде материнского (семейного) капитала в случае рождения второго и последующих детей. Такая возможность, как следует из Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», предоставляется, по общему правилу, женщинам, родившим (усыновившим) второго ребенка начиная с 1 января 2007 года, женщинам, родившим (усыновившим) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки, мужчинам, являющимся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшимся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу начиная с 1 января 2007 года (часть 1 статьи 3).

Согласно названному Федеральному закону средства материнского (семейного) капитала могут направляться на получение образования ребенком (детьми), формирование накопительной части трудовой пенсии матерей, а также на улучшение жилищных условий (статья 2), причем как

в полном объеме либо по частям, так и одновременно по нескольким направлениям (части 3 и 4 статьи 7); в частности, в соответствии с заявлением о распоряжении средства (часть средств) материнского (семейного) капитала могут направляться на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели, а также на строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемые гражданами без привлечения организации, осуществляющей строительство (реконструкцию) объекта индивидуального жилищного строительства, в том числе по договору строительного подряда, путем перечисления указанных средств на банковский счет лица, получившего сертификат (часть 1 статьи 10).

Таким образом, материнский (семейный) капитал является дополнительной мерой социальной поддержки семей, имеющих детей, которая предоставляется за счет средств федерального бюджета в случае рождения в семье (усыновления) второго и последующих детей в период с 1 января 2007 года по 31 декабря 2016 года в твердой сумме (которая ежегодно пересматривается с учетом темпов роста инфляции и на 2014 год составляет 429 408,5 рубля) без учета возраста родителей и которая может быть использована, в частности, на улучшение жилищных условий, причем независимо от факта признания семьи нуждающейся в жилом помещении.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, требование о предоставлении социальных выплат на приобретение жилья непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает, условия их получения определяются законодателем и (или) Правительством Российской Федерации в рамках их компетенции (определения от 27 мая 2010 года № 738-О-О, от 19 октября 2010 года № 1333-О-О и др.).

Соответственно, Правительство Российской Федерации – соблюдая требования Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс публичных и частных интересов, не нарушая принципы справедливости и равенства, выступающие конституционным критерием оценки нормативного правового регулирования в данной сфере общественных отношений, и реализуя в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы возложенные на него статьями 40 и 114 (пункты «в», «ж» части 1) Конституции Российской Федерации дискреционные полномочия с учетом финансовых возможностей государства и иных факторов – вправе устанавливать не только круг получателей социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья, ее размер, условия предоставления и использования, но и основания для отказа в признании молодой семьи участницей данной подпрограммы.

К числу таких оснований подпункт «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования относит ранее реализованное молодой семьей право на улучшение жилищных условий с использованием социальной выплаты или иной формы государственной поддержки за счет средств федерального бюджета (данное основание, вопреки утверждению заявительницы по настоящему делу, предусматривалось и утвержденными постановлением Правительства

Российской Федерации от 13 мая 2006 года N 285 Правилами предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение жилья в рамках реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002 - 2010 годы, которые действовали на момент признания ее семьи участницей данной подпрограммы).

Введение этого ограничения (с учетом того, что согласно пункту 9 Правил право на улучшение жилищных условий с использованием социальной выплаты предоставляется молодой семье только один раз) имеет целью предоставление государственной поддержки на равных условиях максимальному числу молодых семей, признанных в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий, недопущение неоднократного получения ими за счет средств федерального бюджета аналогичных по своей правовой природе социальных выплат и само по себе не может рассматриваться как противоречащее конституционным принципам справедливости и равенства.

Вместе с тем, как показывает правоприменительная, в том числе судебная, практика, содержащееся в подпункте «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования указание на использование для реализации права на улучшение жилищных условий иных форм государственной поддержки за счет средств федерального бюджета в качестве основания для отказа в признании молодой семьи участницей подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы в отдельных случаях (что, в частности, имело место в отношении семьи заявительницы по настоящему делу) понимается как распространяющееся на те молодые семьи, имеющие детей, которые использовали для улучшения своих жилищных условий дополнительную меру социальной поддержки в виде

материнского (семейного) капитала, предусмотренную Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», притом что абзац четвертый пункта 32 Правил допускает возможность привлечения молодыми семьями – участниками данной подпрограммы средств материнского (семейного) капитала для приобретения жилого помещения (создания объекта индивидуального жилищного строительства).

Однако такое понимание рассматриваемого нормативного положения не учитывает различное предназначение этих мер социальной поддержки в основанной на требованиях статей 7 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1) и 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации системе социальной защиты молодых семей, имеющих детей, что – вопреки его конституционно-правовому смыслу - ставит те из них, кто направил средства материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий до получения социальной выплаты в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы, в худшее положение по сравнению с теми молодыми семьями, которые средства материнского (семейного) капитала использовали на иные цели или направили их на улучшение жилищных условий после получения социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья, и тем самым приводит к не имеющей объективного и разумного оправдания дифференциации условий получения данной социальной выплаты семьями, относящимися к одной категории – молодые семьи, имеющие право на получение материнского (семейного) капитала и нуждающиеся в улучшении жилищных условий.

Таким образом, закрепленные в Правилах предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования и Федеральном законе «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» положения, касающиеся круга лиц – получателей соответствующих мер социальной

поддержки, условий и порядка их предоставления, не предполагают возможность отнесения материнского (семейного) капитала как дополнительной меры социальной поддержки семей, имеющих детей, к числу иных форм государственной поддержки, которые по своей правовой природе аналогичны социальной выплате на приобретение (строительство) жилья и использование которых является основанием для отказа в признании молодой семьи участницей подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы.

По итогам рассмотрения дела, Конституционный Суд РФ признал подпункт «г» пункта 18 Правил предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и их использования не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащееся в нем нормативное положение – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагает исключения из числа участников подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы молодой семьи, имеющей детей, которая направила средства материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий до получения социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья.